

2

Исай ДАВЫДОВ

Я ВЕРНУСЬ

ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ

@ЭЛИТА

16+

Исай Давыдов
Я вернусь через
тысячу лет. Книга 2
Серия «Я вернусь через
тысячу лет», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7266692

*Исай Давыдов Я вернусь через тысячу лет. Книга 2. Смена Эпох: ЭИ
«@элита»; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

Сандро Тарасов, отправившийся на «просветительскую» работу в дикие племена Западного континента планеты Рита, оказывается в центре конфликта между племенем купцов и племенем агрессивных урумту, в прошлом людоедов, живущих в радиоактивных пещерах и постоянно похищающих женщин из других племён. Сандро приходится защищать купцов и другие племена и обходиться при этом без трупов.

Острые конфликты, в которых проходит жизнь Сандро среди аборигенов, выплёскиваются и в среду землян. Сильная, но короткая любовь к одной из самых ярких женщин земной общины настигает героя в это время...

Содержание

Пунктир	4
1. Хорошо, когда есть великие предки!	12
2. «Ты мне нравишься!»	24
3. Тактика и стратегия	42
4. «Как жаль, что мы понимаем это только сейчас!»	50
5. В свободном полёте	57
6. Бескровная победа	68
7. «Сколько разливов ты живёшь?»	75
8. «Всех убить?»	83
9. Разрядка для племени	94
10. «Куда пролить кровь?»	107
11. Нур-Нур научил...	113
12. Взять отпуск у вождя...	120
13. Безлюдный гостиничный сервис	125
14. Сказка любви. День первый	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Исай Давыдов

Я вернусь через тысячу лет. Книга 2. Смена Эпох

Пунктир

Вместо пролога

...Объяснив всё, что сегодня предстоит сделать, и рассказав последние новости ближних окрестностей, я закончил:

– А теперь, братья мои, за работу! Труд каждого из вас приятен сынам неба. Они отблагодарят вас! Тун эм!

Люди племени купов стали расходиться: за грибами и ягодами в лес, на огороды и кукурузные делянки, на рыбную ловлю и птицеферму. А я снял переливающийся всеми цветами радуги жреческий хитон (наши женщины в Городе клеили из этой ткани купальники), закинул за плечо и тоже отправился работать. Нужно коротко суммировать новую информацию для Совета, прикинуть заявку на следующую «посылку» и передать всё это на узел связи в Город.

За столом пришлось просидеть полчаса. Ибо краткость передачи требует предварительной работы. А время дорого не только мне... В конце концов свёл на два листика самое

необходимое и отправился через лесок к своему наглухо запертому вертолёту, так и не сняв тиары из оранжевых, с пурпурным и фиолетовым отливом, перьев ураху. Птичка эта водится только на островах северных озёр.

Тиару сплёл мне Сар – лучший охотник племени купов. Она отлично закрывала голову от солнца, продувалась ветром и гарантировала от всяких неожиданностей. Носят её только вожди да колдуны, и никто на северо-востоке материка не решится выпустить стрелу под такую тиару. Даже враждующие племена не убивают друг у друга вождей и колдунов. Их могут пленить и потребовать выкуп. Но не убить! Долго не мог понять я происхождение этого странного для дикарей обычая. Ведь гуманный обычай! С дальним прицелом! Откуда он взялся?

Только расшифрованные биотоки Нур-Нура, этого трагического героя-одиночки, объяснили, в чём дело...

Вот, наконец, и лесная полянка, на которой стоит мой пятнистый вертолёт. Для тех, с кем живу я скоро пять лет, этот вертолёт – не только транспорт, но и храм, в котором слушаю я «сынов неба», вижу их и говорю с ними. Да и не один я... А для меня тут рабочий кабинет, где всё привычно, удобно, и устроено на нормальном человеческом уровне.

Отпираю дверцу, усаживаюсь перед экраном, нажимаю кнопку радиопередатчика. Обычный сеанс связи. Привычная работа. И, как обычно, даже не включаю экран. Всё идёт по заведённому в рядовом сеансе связи. Слушает и записы-

вает Розита. Я диктую свежую информацию и хозяйственную заявку на дополнительные лопаты, вёдра, каёлки, геологические молотки и ручные пилы. Прошу новый аккумулятор для передатчика. Затем интересуюсь:

– Что новенького у вас?

– Ты слушал все наши передачи? – задаёт Розита встречный вопрос.

– Все не удалось. Ты же по информации видишь, что был у килов. Опять мирил их с беспокойными оли. Только к ночи вернулся.

– Значит, не знаешь, что прилетела «Рита-четыре»?

– Нет, конечно. Сколько их?

– Девятьсот.

– Ого! Поздравляю!

– И тебя! Тебе тоже полегчает.

– Хорошо бы...

– Тут, Сандро, собрались в клубе полсотни ребят с этого корабля. Первые, кто вышел. Юные такие, бледные... – Розита вздыхает. – Как мы шесть лет назад... Пришли, чтобы послушать и повидать тебя. Ты, оказывается, стал очень популярным на Земле изобретателем. Вместе с... – Розита как-то запинается. – Вместе с Евгением... Ваши коэмы пошли по всей планете! Евгения они затребовали прямо на корабль. Пока шли прививки... А тебя только что прослушали. Теперь хотят повидать. Может, включишь экран?

– Пожалуйста.

Нажимаю кнопку. Экран вспыхивает, мгновенные полосы торопливой лесенкой бегут по нему, и я вижу совсем молодых ребят в привычных зелёных костюмах, которые мы тут давным-давно сносили, заменив серо-голубыми. Когда-то в таких же зелёных мы улетали с Земли. Значит, форма не изменилась. Собственно, к их отлёту не изменилась... Сто лет они летели! А что на Земле сейчас – никто не знает...

Ребята сидят в креслах небольшого клуба. А перед ними громадный, во всю сцену, экран. Ради концертов и редких самодеятельных спектаклей его поднимают. Но сейчас он в обычном положении. И на этом телеэкране я. В полный рост...

Дружно, хором, видно потренировавшись, ребята кричат: – Здрав-ствуй, Сан-дро!

Я улыбаюсь, здороваюсь и говорю, что рад видеть их, таких молодых и красивых. Мы давно их ждали и многого от них ждём.

Мне хорошо видны лица. Вначале ребята тоже улыбаются, потом начинают смеяться. Всё сильнее и дружней. Даже, по-моему, против своего желания. Они явно сдерживаются. Но смех неумолимо пробивается сквозь вежливую сдержанность. Ничуть не обидный – молодой здоровый непобедимый смех.

Понятно, их рассмешил мой вид. Известный на Земле изобретатель сидит перед ними полуголый, раскрашенный цветными завитушками на груди и на животе, в хитроумной

тиаре из пёстрых птичьих перьев. Почти как древний индейский вождь с иллюстраций к бессмертным детским книгам Майн-Рида и Фенимора Купера.

Я скольжу взглядом по рядам, вижу прекрасные умные смеющиеся лица, и становится мне так же легко и весело, как этим ребятам. Я хохочу вместе с ними. Что тут придумаешь? И, чем отчётливее стараюсь увидеть себя их глазами, тем сильнее хохочу. Такая вот вышла неожиданно весёлая встреча.

На какие-то секунды удаётся сбросить с себя и щемящую боль невозможных утрат, и злую тоску по нормальному земному уровню человеческой жизни, и напускную солидность главного колдуна пяти могущественных племён на Западном материке, «сына неба», который может советовать племенным вождям, зная наверняка, что «советы» будут исполнены. На короткие секунды становлюсь я таким же, как они: весёлым, молодым, почти беззаботным. И бездумно, просто любуясь новым пополнением, скольжу взглядом по лицам.

И вдруг взгляд мой спотыкается о лицо, которое не смеётся. Далёкое и не очень разборчивое девичье лицо. Чем-то до боли знакомое. Чем-то неожиданно кольнувшее душу. Но нечёткое, размытое. И даже в этой размытости – печальное.

Я начинаю крутить ручку настройки, приближая лицо. Экран как бы поехал по рядам. Это совершенно незаметно для них. Они ничего не должны понять, но вдруг что-то по-

нимают и затихают. Резко! Смех убегает с лиц стремительно. Должно быть потому, что изменилось моё лицо. Они догадались: я торопливо что-то делаю, чего-то жадно ищу и жду.

А я кручу ручку настройки уже лихорадочно, приближая то далёкое девичье лицо и вытесняя с экрана остальные. Я уже понял, кто это. Но боюсь даже про себя произнести её имя.

И вот лицо заполняет весь экран. Прекрасное, родное, когда-то очень любимое лицо. Оно из той, бесконечно далёкой, невозвратимой жизни. Оно уже не такое юное, как тогда, но ещё более прелестное.

Сама Таня смотрит на меня с экрана. Друг детства, первая моя любовь и первая страшная боль. Когда-то она принесла нашу любовь в жертву этой загадочной – с Земли! – планете Рита. А я узнал полную правду лишь здесь, после гибели жены, перед уходом на Западный материк.

Две блестящие неровные дорожки катятся из Таниных глаз по щекам. И я понимаю, что плачет она не из-за дикого моего вида, а из-за непоправимости того, что натворила судьба, когда-то не позволившая нам быть вместе.

Восемь лет неумолимо и навсегда разделили нас. Не знаю, как прожила она эти года и как умудрилась попасть на Риту со своим неоперабельным в ту юношескую пору пороком сердца.

Может, медики Земли уже перевели этот вид порока в разряд операбельных?

Но зато я знаю точно, что прилетела она с мужем. Наверняка он сидит в этом же зале: добровольцев на Риту посылают только супружескими порами. Во избежание драм и трагедий. По земным представлениям...

Много ли знают там о причинах наших трагедий?

В то же время прилететь сюда Таня могла только из-за меня. Она всегда была равнодушна к далёкой планете Рита и воспринимала её лишь через мой интерес. Что же иное могло заставить её просочиться сквозь мелкое сито в лагерь астронавтов «Малахит»? Историей литературы – главной Таниной страстью – удобнее заниматься на Земле. Но кто-то, видимо, рассудил, что на Рите нет пока литературоведов. И, значит, надобно послать!

А тут уже бегают среди смуглых мальчишек племени купов темноглазый мой сынишка Вик, записанный в городской метрике как Виктор Тарасов. И в геологической палатке – моём бунгало! – управляется с нехитрым хозяйством тихая послушная и ласковая Лу-у – дочка вождя купов. На неё метрика в Городе пока не заведена...

Наверняка всё это Таня успела узнать. Если Женька Верхов был на их корабле, она просто не могла не расспросить его. Ведь мы трое учились когда-то в одном классе!

Прекрасные печальные глаза Тани смотрят на меня с экрана одновременно с нежностью и ужасом. И пухлые губы доброго человека, которые когда-то я так любил целовать, чуть-чуть шевелятся, что-то шепчут. Я резко поворачиваю регу-

лятор громкости и слышу её шёпот, не слышный в том зале никому:

– Шур, милый, что с тобой? Как ты дошёл до этого, милый мой Шур?

Как я до этого дошёл?

Ну, что ж... Постепенно вспомню и расскажу...

А кое-что не смогу рассказать. Невозможно. Только вспомню...

1. Хорошо, когда есть великие предки!

Море между двумя материками я пересёк в самом узком месте – над проливом, который в разговорном языке уже именуется «проливом Фуке». Когда-то неутомимый геолог Жюль Фуке, первый «чистый» путешественник этой планеты, первым «перескочил» здесь с нашего материка на Западный. Это был «прыжок» в полсотни километров – от наших Северных гор до безлюдного серого плато, которое ограничено полосой остроконечных снежных пиков с севера и ожерельем голубых прохладных озёр с юга.

– Пока делать там нечего! – сказал Жюль, вернувшись в Нефть.

Так, по крайней мере, поведали когда-то мне в Нефти Джим Смит и Ваню Челидзе, прилетевшие сюда с Жюлем на первом звездолёте – «Рита-1».

И больше никто туда не летал. Ведь даже если бы что-нибудь полезное там и сыскалось, пока нет порта, пока нет флота, добывать это полезное нереально.

Вторым полетел туда я. Мимоходом. Потому что задерживаться на пустынном плато не собирался. Действительно, делать там нечего. Просто Совет не рекомендовал долго идти над морем. Флота нет, и, случись что, спасать сложно. Вер-

толёт на воду не сядет. Местные моря мы пока вынуждены «перепрыгивать» над самыми узкими проливами.

В общем-то смерти я не боялся. После гибели Бируты чего мне бояться? Но и не искал специально. Другим хлопот много... Да и никуда не денется... Успею...

Достигнув нагорья, я резко повернул на юго-юго-запад. Собственно, так поворачивала береговая линия. Но идти решил не над самым берегом, а западнее, так как приземляться предстояло в племени отнюдь не морском. От моря его отделяла почти сотня километров. И я только мечтать мог в отдалённом будущем как-нибудь, когда появятся у нас свой порт и свой флот, перебазировать это племя на морской берег, сделать его «морским народом». Сколько ещё лет до этого?.. Если жив буду...

Прохладные голубые озёра были так же безлюдны, как и серое нагорье. Много островов и тучи разноцветных птиц увидел я на цепи небольших озёр, нанизанных на узкую, извилистую речку. Но ни одного огонька, ни одного человека и никаких его следов!

За озёрами проскочила почти неизбежная в таких ландшафтах полоса тёмно-зелёных болот, а за ними – необозримые леса во все стороны, без конца и края.

Игольчатая зелень хвойных лесов быстро разбавилась весёлой светлой зеленью лесов лиственных. Видимо, основная масса хвойных осталась севернее озёр и нагорья. Поначалу лиственные кущи казались островками в хвойном море. По-

том стало наоборот.

Шёл я на максимальной скорости ранца, и вот уже в лесах подо мной промелькнули первые нежно-зелёные проплешины лесостепи. Зоны тут сменялись очень быстро. Видимо, следствие стабильного климата, без особых капризов погоды.

По данным спутников, за лесостепью, безо всякой полосы пустынь, начинались те субтропики, где мне и предстояло стать «богом». Ни севернее ни восточнее «моего» племени спутники не обнаруживали ничего жилого.

Однако человека я увидел раньше, чем предполагал.

Точнее, не человека, а цепочку людей, которые целенаправленно текли через лес в том же направлении, в каком летел и я.

Пришлось сбросить скорость и понаблюдать.

Люди с густыми тёмными гривами мелькали между деревьев, бегом пересекали полянки, скапливались на опушках перед проплешинами лесостепи и затем, будто набрав некую критическую массу, прорывались через проплешины тонкими, прямо прочерченными струйками.

Достав из кармашка на поясе бинокль, я стал разглядывать цепочку людей с большой высоты. Их было три десятка, и, судя по всему, шли одни мужчины, налегке, только с оружием: луки, копья, суковатые палицы на плечах. Торопились они явно не с охоты, а на охоту – в тёплые края. И, значит, жили в более холодных. Об этом же свидетельствовали

и мохнатые шкуры не только на бёдрах, но и на спине, на груди. Эдакие мешки с дырами для головы и рук.

Однако в прохладных северных лесах этого материка спутники не засекали ни одного селения.

Откуда же взялись эти охотники, которые явно шли не домой, а из дому?

Меня они не заметили: ни один не поднял головы – видимо, далёкий стрёкот моего ранца показался им не более чем странным криком птицы. Но шли они не за птицами. Пернатой дичью были полны озёра, оставшиеся у них далеко за спиной.

И опасности сверху, похоже, они не ожидали. Потому и не придали значения далёкому незнакомому звуку.

Вечное правило: мы видим только то, что понимаем, а чего не понимаем, того в упор не увидим. И видеть не захотим.

До «моего» племени этим охотникам оставалось топтать ещё больше суток – со стоянкой, понятно, и ночлегом.

Если, конечно, они идут именно туда, а не ещё куда-нибудь.

Так и хотелось мне задать им тот сакраментальный вопрос, который сам я услышал в безднах космоса, на полпути с Земли на Риту: «Откуда и куда идёте?»

Может, наши земные звездолёты, проследовавшие один за другим мимо неизвестного того радиомаяка, показались какому-то могучему космическому разуму примерно тем же, что и мне эта целеустремлённая цепочка местных дикарей?

...Похоже, дополнительной информации ждать долго, а время дорого. Поэтому я вновь увеличил скорость, оставил неведомых путешественников далеко позади и уже в сгущавшихся вечерних сумерках разглядел вдали три костра «своего» племени.

Оно было небольшим и умещалось в двадцати четырёх хижинах, сфотографированных спутником на лесной полянке вблизи реки. Значит, примерно, сотня с лишним человек, Марат сообщал, что в племени ра каждая хижина вмещает пять-шесть постоянных жильцов. Из этого я и исходил, на крупное племя не замахивался. Дай Бог хоть как-нибудь управиться с малым!

Для начала у меня был прекрасный пример – бессмертный учёный-путешественник Миклухо-Маклай. Книгу о нём я проштудировал ещё в «Малахите» по курсу истории первобытного общества. Хорошо, когда за спиной толпятся великие предки, которые могут подсказать хотя бы первые надёжные шаги! Только полный безумец способен не воспользоваться их опытом и, очертя голову, шпарить по целине. Для начала я и решил действовать в основном «по Маклаю» – понятно, с поправками на современный технический уровень.

Довольно низко пролетел я над кострами и хижинами. Никакого переполоха это не вызвало. Никто не вскочил, не закричал, не замахал руками. Хотя многие подняли головы и явно следили за мной.

Похоже, племя «моё» было не из пугливых, с ходу в стресс

не бросалось.

По соседству с селением, примерно в двух сотнях метров, обнаружил я в лесу ещё одну полянку – совершенно пустую. Это было как раз то, что необходимо!

Опустившись, я огляделся, промерил полянку шагами наискосок и по периметру, и решил, что вертолёт тут вполне может приземлиться. Если, конечно, сядет строго вертикально, не будет планировать.

И после этого я врубил радиофон.

– Слушаю тебя, Сандро, – отозвался усталый голос Розиты. – Наконец-то прорезался!

Я спокойненько летел, а она, оказывается, там переживала...

– Вот по этому пеленгу, – попросил я, – высылаете вертолёт. Со строго вертикальной посадкой. Никакого планирования! Деревья высокие. Пеленгатор я оставлю посреди полянки. А второй пеленг дам из селения. По нему пусть вертолёт сбросит парашюты-палатки. Я лягу спать так, чтоб палатки могли приземлиться по обе стороны от меня. К утру всё спокойненько успеется.

– Когда следующая связь? – спросила Розита.

– Через сутки. Если всё будет нормально... Но если спутники засекут движение людей к «моему» селению, – сообщите сразу! Тут с севера движется цепочка. Как раз от нагорья к этой поляночке. Непонятно, откуда они взялись.

– Может, местные охотники возвращаются? – предполо-

жила Розита.

– Не похоже. Они в тёплых шкурах и налегке. Только с оружием. Никакой добычи!

– Но ведь на севере нет селений!

– А если нам только кажется, что их нет?

– Удивительная планета! – Розита вздохнула. И так отчётливо, будто рядом стояла. – Сплошные неожиданности!

– Чужая планета! Что поделаешь... Ну, пока, лапонька! Конец связи!

– Успеха тебе! – Розита щёлкнула выключателем, но тут же вдруг включилась снова. – Я сейчас сдаю дежурство, – предупредила она. – Отосплюсь. Если что – на узле Омар.

– Привет ему!

Я отключился. Дружеских отношений с Омаром у меня пока не возникло. Прилетел Омар Кемаль на «Рите-1», создавал здесь и радиоузел, и телецентр, и спутниковую связь, считался главным связистом планеты. А кроме того, вёл радио– и телепередачи на пару с Розитой. На экране я видел этого чернобрового красавца часто, а в жизни – редко. Трижды слушал его из клубного зала, вместе с Бирутой, – в концертах. Прекрасным баритоном он исполнял турецкие песни. И ни разу с ним не разговаривал.

Теперь придётся.

Я привёл себя в порядок, застегнул все пуговицы и «молнии», даже причесался по привычке. И взлетел над лесной полянкой.

Над селением сделал я три круга, постепенно снижаясь и выбирая подходящее место. Выбрать надо было сверху, чтобы не разгуливать в ЭМЗе между хижинами.

В ноздри ударил резкий запах палёных костей. На кострах жарили мясо. Охота, значит, сегодня у них была удачной, и это позволяло надеяться на благожелательный приём. Сытый человек редко бывает агрессивным. И даже сытый зверь...

Теперь, когда я снизился, десятки лиц поднялись к небу. Нечёткие в темноте, освещённые лишь пламенем костров, лица откровенно следили за моим полётом.

Однако действий никаких по-прежнему не было. Никто никуда не побежал, никто не кричал. Видимо, опасности сверху не ждали.

И это мне понравилось. Люди «моего» племени обладали выдержкой.

Опустился я чуть севернее хижин, на небольшом взгорке. Рядом было достаточно места для двух просторных палаток.

Вертолёт, прежде чем опуститься на соседней полянке, сбросит здесь два парашюта, пропитанных быстротвердеющими ароматическими смолами. Пока парашюты опустятся, смола превратят их купола в жёсткие палатки. Одна из них, по идее, достанется мне, другая обернётся главным и, пожалуй, наиболее эффектным подарком.

Впрочем, кто знает, что произведёт на аборигенов самый сильный эффект?

Я не стал объясняться с ними для начала, доказывать, что

я не верблюдо и что желаю им только добра. Как и Миклухо-Маклай, я решил сперва показать, что не боюсь их и доверяю им. И ещё – чего он сделать никак не мог! – показать, что неуязвим для них.

Едва опустившись на землю, я скинул ранец с двигателем и суперЭМЗом, мгновенным нажатием ботинка надул матрасик с изголовьем, придвинул ранец к ногам и лёг на спину. Ещё секунда – и суперЭМЗ окутал меня непроницаемым электромагнитным полем.

Дикари наверняка и опомниться не успели.

В общем-то и на самом деле я хотел спать: дорога была дальней и утомительной. Но понимал, что мгновенно не уснуть. Да и Николай Николаевич Миклухо-Маклай, попав в незнакомую деревню папуасов и улёгшись там спать между хижинами, тоже наверняка уснул не сразу. Этой подробности в книге не имелось, но я и сам догадался... Был он безоружен, безо всяких ЭМЗов, неведомых в девятнадцатом веке, и вполне мог не проснуться вообще.

Однако полностью доверился дикарям – и не ошибся.

Ну, а я доверился им не полностью. Хотя они этого не поймут. Для них я выгляжу безоружным и беззащитным. А то, что электромагнитное поле суперЭМЗа никакой палицей не прошибёшь, пусть они отнесут на счёт моего «божественного происхождения». Всё-таки свалился я на них не откуда-нибудь, а с неба...

Если, разумеется, они захотят попробовать меня палицей.

Я закрыл глаза и вскоре услышал лёгкие шаги с двух сторон. Кто-то подошёл ко мне, остановился и спокойно дышал надо мною.

Очень хотелось поглядеть – кто? Но какое, собственно, это имело значение? Мужчина или женщина, ребёнок или старик?.. Не всё ли равно? Костры далеко, хорошо он меня не разглядит – так же, как и я его. Какие-то два лица, видимо, склонились сейчас надо мною. Всего два из сотни с гаком. Не всё ли равно, какие?

Пока что все они одинаково мне милы. Хотя и не красавцы, наверное. Откуда тут взяться красавцам? Вряд ли повезёт встретить такое симпатичное племя, как леры, коих случайно обнаружил на Восточном материке неугомонный Жюль Фуке.

Так открыть глаза или не открывать?

Если откроешь – подумают, что боюсь.

А чего бояться? Хуже, чем есть, уже не будет. С гибелью Бируты перешагнул я ту грань, за которой не должно быть страха. Привычка к осторожности, понятно, осталась. И только.

Ещё шаги прошелестели с двух сторон и затихли возле меня. Потом ещё, ещё... Неужто всё племя двинулось разглядывать неведомого пришельца? Может, ещё сочтут упавшим с неба покойником и поторопятся похоронить?

Ничего! Авось до рассвета не зароят.

Я глубоко вздохнул, слегка потянулся, будто во сне, и мед-

ленно, лениво повернулся на бок, прижав икры ног к ранцу с двигателем и суперЭМЗом.

Теперь, по крайней мере, покойником меня не сочтут.

Это почему-то успокоило, и, кажется, именно на этой идее я уснул.

...А проснулся как раз на рассвете. И первое, что увидел – два белоснежных купола справа и слева от себя. Пеленгатор и автоматика вертолѐта сработали точно: парашюты не ушли в сторону и не накрыли меня самого. И ещё увидел двух нечѐсанных «гвардейцев», которые дремали, сидя возле моих ног, опѐршись спинами друг на друга. Возле каждого лежало копьѐ.

То ли они охраняли племя от меня, то ли меня – от племени.

А племя спокойно почивало в хижинах. И между хижинами никого не было. Только один костѐр тлел. Два другие погасли.

Хорошо мы поспали! Спокойное племя! Даже вертолѐт не разбудил.

Впрочем, все вертолѐты для Риты изготавливались бесшумными.

В парашютных куполах, от которых исходил тонкий аромат родниковой воды, должны быть два тюка – «направляющий» груз. И к каждому приторочен снаружи геологический молоток – чтобы забить колышки, привязанные к парашютным куполам, и закрепить их на земле уже как будущие жи-

лица.

Если, разумеется, захотят аборигены жить в таких жилищах...

Вот, пожалуй, и первое дело на сегодняшний день – забить колышки. Пока ветер не сдул палатки... А потом можно и знакомиться. На базе первого «подарка»...

Однако день начался не так, как я предполагал.

2. «Ты мне нравишься!»

Не успел я сесть и оглядеться, как услышал зуммер.

Лёгкое нажатие кнопочки, и вот уже звучит сочный красивый баритон Омара:

– Тарасов! Тарасов! Слышишь меня?

– Слышу. Доброе утро.

– Как у тебя?

– Нормально. Только проснулся. Меня охраняют. Палатки рядом. Спасибо!

– Спутник проследил группу, которую ты обнаружил. – Голос Омара почему-то дрогнул, – Они дважды останавливались и жгли костры. Вектор от этих костров точно выходит на тебя. Между ними и тобой никаких племён не обнаружено.

– А обратный конец вектора?

– Упирается в подножье нагорья. Сделали сейсмолокацию со спутника. Там пустоты.

– Значит, пещерные люди?

– Возможно.

– Когда они будут здесь? По вашим подсчётам...

– Сегодня к вечеру.

– Значит, в темноте ждать нападения?

– На их месте я бы подождал, пока племя уснёт... Тебе помочь? Может, небольшой десантик прислать?

– Ну, вот ещё!.. Чего я буду стоять, если не сумею защитить своё родное племя?

– Уже и родное? – Омар хмыкнул.

– Оно меня охраняет... Долг платежом красен...

– Ракет тебе хватит?

– Небось, и в вертолёте есть?

– Должны быть.

– Ну, пока! Пойду знакомиться с населением.

Щелчок – и вокруг полная тишина. Племя спит, а часовые мои уже на ногах и таращат на меня глаза. Видно, не могут сообразить, с кем я только что разговаривал. Второй-то голос они слышали отчётливо...

Надеюсь, сейчас, ушибленные удивлением, они не станут тыкать в меня копиями? Может, уже и пробовали, пока я спал? Попробовали – не получилось. Будем пока считать так...

Я медленно поднялся – главное, не делать резких движений! – вытянул за хвостик тончайшую красную нейлоновую ленту из пояса, отрезал от неё кусок ножом, вытянул ещё и тоже отрезал. Первые подарки готовы. Теперь можно выключить суперЭМЗ и поблагодарить стражу.

...Лента часовым сразу понравилась. Рассвело уже настолько, что яркий красный цвет просто бил в глаза. Позабыв про копия, охранники восторженно вертели в руках длинные огненно-красные тряпочки. Наконец один из них сообразил повязать ленту на шею. Тотчас же это сделал и другой. Ра-

дось от такой обновы буквально подбросила их в воздух. Они прыгали, били себя по бёдрам и по груди – но всё это молча. Я ждал, что они закричат от восторга и разбудят племя. Но ведь не закричали!

Ещё одно свидетельство удивительной выдержки «моего» племени...

Парни были молодыми – один вроде немного постарше меня, другой вроде ровесник. И оба на полголовы, примерно, пониже. Пока они прыгали, к ним бесшумно подошёл человек в возрасте, годившийся мне в отцы. Сухое смуглое обветренное лицо его избороздили тонкие неглубокие морщины. Прищуренные глаза глядели на меня пытливо и насторожённо. Широкие ноздри откровенно втягивали мой запах. И тёмная шевелюра его была не встрёпана, как у «часовых», а слегка прижата тонким пояском из скрученных трав.

Увидев его, «часовые» перестали прыгать, подняли копья и дружно показали красные «галстуки» на груди.

Пришлось мне быстренько отсечь ещё кусок нейлоновой ленты и поднести её прибывшему начальнику.

Он принял подарок спокойно, с достоинством, что-то коротко произнёс, но повязывать на шею не спешил. И взгляд его задержался не столько на красной ленте, сколько на блестящем лезвии ножа. Начальник явно оценил его.

«Может, сам вождь?» – подумал я.

Вообще-то предполагалось отыскать его по всеобщему почтению и повиновению. Чтобы не делать «царских» подар-

ков кому попало. От этого может произойти только вред... И никак не думалось, что не я вождя отыщу, а он меня.

Но уж коли всё пошло наоборот...

Ладно! Давайте знакомиться!

– Сан! – произнёс я и ударил себя по груди. По моим понятиям, имя «Сандро» было бы для них длинновато.

«Вождь» сразу схватил главное и, ударив себя по груди, отчётливо ответил:

– Куп!

Что ж, неплохо для начала.

Однако, к удивлению моему, «гвардейцы» тоже ударили себя по груди и тоже один за другим проорали:

– Куп! Куп!

«А ведь очень патриотично! – подумалось мне. – Похоже, имя племени они предпочитают личному. Значит, я угодил в племя купов? Чем бы это отметить?»

При мне был ещё только один подарок – пять коробочек со спичками в кармашке ранца. Всё остальное – в тюках под парашютными куполами. И в вертолёте. Но в купола ещё надо пробраться, обеспечив себе спокойствие с тыла. Глаз на затылке нет. И ЭМЗ меня сейчас не прикрывает.

Быстро нагнувшись, я вынул спички, чиркнул одну и показал появившийся огонь. Потом протянул коробок «вождю». И ещё два коробка отдал «гвардейцам».

Они растерянно держали спички в руках, явно не понимая, что с ними делать, куда деть. Судя по всему, карманов

в их косматых набедренных повязках не водилось.

Тогда я чиркнул ещё одну спичку и протянул «вожду» второй коробок. Авось, догадается попробовать сам?

А вокруг уже неслышно замыкалось тонкое пока кольцо людей. Племя купав просыпалось и струйками текло из хижин в небольшое пространство между белоснежными куполами-палатками.

Мне надо было пробиться в одну из них. Всё остальное – там. И пробиваться надо немедленно, пока кольцо людей не замкнулось.

Эх, если бы ранец был за плечами! Можно было просто перепрыгнуть через головы.

Но ранец стоял на земле.

Правда, никто пока не обратил на него внимания.

Что ж, придётся отдать и последнюю коробочку спичек...

Я нагнулся за нею, чиркнул и поднял горящую спичку в правой руке. А ранец уже повис на левой.

Сразу несколько рук протянулись за спичками. Я опустил коробку в одну из тёмных, сморщенных ладоней и, слегка помахивая горячей спичкой, двинулся к правой палатке.

Передо мною расступились – спокойно, не испуганно.

Спичка быстро погасла, но я уже был у входа в палатку и снова опустил ранец к ногам. Теперь пространство купола-палатки прикрывало меня с тыла. Разумеется, не закреплённая вбитыми в землю колышками, палатка была неустойчивой. Сдвинуть или перевернуть её не стоило ничего. Но

они-то этого не знали!

Что ж, пожалуй, теперь можно и поговорить!

Тоненькие каркасы мыслеприёмников тоже были во внешнем кармашке ранца. Я быстро вынул два, надел один на голову и протянул второй «вождю», который опять оказался передо мною, словно закрывая от меня своей широкой грудью всё остальное племя.

Он явно решил, что это очередной подарок и спокойно перекинул мыслеприёмник через локоть. Ладони его были заняты спичками и красной лентой. Ни одну из спичек он так и не зажёл.

Пришлось мне стянуть свой мыслеприёмник с головы, слегка помахав им и снова надеть на голову. Авось, догадается...

«Вождь» догадался по-своему. Также стянул каркас мыслеприёмника с локтя, помахал им и повесил опять же на локоть.

Было от чего прийти в отчаянье!

Надеть мыслеприёмник на его голову своими руками я не решался. Это могло быть понято как нападение. На подобные ошибки допусков у меня не имелось.

В то же время разговор требовался срочный. С севера топали неведомые люди в шкурах. Может, «вождь» знает, чего им надо?

В недоумении стояли мы друг перед другом. Он не понимал, чего я хочу, а я не знал, как втолковать ему единствен-

ную возможность общения.

И возле нас, теперь уже плотным полукругом, собралось, видимо, всё племя, с голенькими детишками впереди.

Сзади люди тихо переговаривались. Это я слышал. Впереди молчали.

Лица были не то чтобы очень симпатичные. Но и не отталкивающие. Коричневые, широконосые, несколько сморщенных и обветренных, но больше гладких молодых, с густыми, нечёсаными шевелюрами и с коротким кудрявым ёжиком, с не знавшими бритвы усиками и жидкими бородёнками. Но единым было одно – напряжённые, насторожённые тёмные глаза. И, пожалуй, ещё одно – отсутствие украшений, даже у женщин.

Мне это очень понравилось. Никогда не любил украшений.

Я уже собирался отступить внутрь купола, взмахом ножа взрезать грузовой тук и стремительно начать раздачу подарков – направо-налево, не глядя, в любые руки. Это дало бы мне хоть какой-то выигрыш времени. Пока они разглядят полученное... О большем я сейчас уже и не думал. Время явно начинало работать против меня.

Неожиданная помощь появилась оттуда, откуда ждать её никак не приходилось.

Бойкая невысокая девица, с обнажённой грудью, явно не знавшей кормления младенца, спокойно, уверенно выдвинулась из толпы, оставив за спиной крепких мужчин, сняла с

локтя у «вождя» каркас мыслеприёмника и натянула его на свои буйные кудри. Значит, жест мой она поняла лучше всех остальных.

«Вождь» удивлённо покосился на неё, но не воспрепятствовал.

Я решил ловить момент. Не удаётся поговорить с «вождём» – поговорю с девицей. Важно начать!

– Не снимай то, что ты надела на голову, – сказал я. – Тогда ты будешь понимать меня, а я – тебя. И мы обо всём договоримся.

– Мы и так договоримся, – громко ответила она. – Ты мне нравишься.

Вокруг засмеялись. «Вождь» сдержанно улыбнулся. Я – тоже. Смех везде сближает людей.

– Ты тоже нравишься мне, – торопливо признался я. – И все купы мне очень нравятся. В этих белых хижинах для вас много подарков. – Я показал рукой на одну палатку, на другую. – И сами эти хижины – подарок вам. Если хотите – живите в них. Никакой дождь не протечёт в такую хижину.

«Надо остановиться! – мелькнула мысль. – Слишком длинная речь!»

– Меня зовут Сан! – Я хлопнул себя по груди. – А как зовут тебя, девушка?

«Вдруг она тоже ответит «куп»? – подумал я. – Что тогда?»

Но она и тут всё поняла. И ответила протяжно:

– Лу-у. Меня зовут Лу-у... Из какого племени ты пришёл, такой беленький?

– Моё племя далеко, за морем. Ты знаешь, что такое море?

– Нет, не знаю! Зачем это мне?.. Ты прилетел с неба. Я видела. В твоём племени все летают?

– Все, – согласился я.

– Значит, вы сыны неба, – заключила Лу-у. – А мы дети лесов, купы.

– У вас есть враги? – спросил я.

– Есть! – ответила Лу-у.

– Где они живут?

– Там! – Она уверенно протянула руку к северу.

– Сейчас они идут к вам, – сообщил я. – Вчера я пролетел над их тропой.

Симпатичное широконосое лицо её исказила гримаса ужаса.

– Хурум! Хурум! – отчаянно завопила она. – Сюда идут хуры! – услышал я в мыслеприёмнике,

И по толпе прокатилось тревожное:

– Хурум! Хурум!

Теперь наконец всё понял и «вождь». Он сердито сдёрнул с головы Лу-у приёмник мыслей, торопливо натянул его на себя и задал мне сразу два вопроса:

– Когда ты видел их? Где?

– Вчера, – ответил я. – В лесах к холоду. Они идут медленнее, чем я летел. Сегодня вечером будут здесь. Зачем они

идут, скажи мне?

– За нашими женщинами, – уверенно ответил «вождь». – Им больше ничего не нужно. Но женщин мы спрячем. А хуров убьём. Хорошо, что предупредил.

Он повернулся лицом к толпе и выкрикнул несколько коротких слов, из которых мыслеприёмник перевёл три: «Собирайтесь на остров!»

И через полминуты толпы не было. Люда кинулись по хижинам, и началась суета. Похоже, он действительно был вождь, если уж так стремительно выполнялись его указания.

Впрочем, и про меня он не забыл. Повернувшись ко мне, хмуро поинтересовался:

– У тебя нет ни лука, ни копья. Мы можем дать. Ты уйдёшь на остров с женщинами или останешься здесь?

– Я обрушу на хуров огни неба, – пообещал я. – Они убегут. Но один из них мне нужен. Живой!

– Ты умеешь бросать огни с неба? – Вождь недоверчиво усмехнулся.

– Умею.

– Покажи!

– Сейчас их нет. Вечером увидишь. Подожди немного. Скажи пока своё имя.

– Тор моё имя.

– Тебе нравится белая хижина, Тор? – Я показал на палатку.

– В такой хижине я ещё не был, – ответил Тор.

– Зайди посмотри. Я подарю тебе любовь.

Он неуверенно двинулся в ту палатку, возле которой мы стояли. Я посторонился. Он вошёл, огляделся, втянул воздух глубоким вдохом и показал на грузовой тюк.

– Что это?

– Подарки купам. От сынов неба.

– Покажи!

Я неторопливо расстегнул ремни и отложил в сторону притороченный геологический молоток. Затем отвязал тюк от строп затвердевшего в жёсткий купол парашюта и распутал горловину тюка. Сверху там лежал отрез красного сатина. Я вынул его и развернул на тюке.

Однако взгляд Тора, ненадолго задержавшись на сатине, передвинулся на геологический молоток.

– Что это? – показав на него, спросил Тор.

– Молоток, – ответил я. – Чтобы закрепить белые хижины на земле. Хочешь, покажу, как это делают сыны неба?

– Покажи!

Это третье «Покажи!» он произнёс уже почти повелительно. А первое было сказано явно просительным тоном. Вождь, потрясённый бурными событиями, похоже, быстро возвращался к своим обычным функциям вождя.

Вообще-то, забивать ребристые колышки палаток положено снаружи. Но сейчас это было неудобно. Всё приходилось делать быстро, бегом. На часы я не глядел, но неумолимый отсчёт минут ощущал буквально всем телом. До при-

ближения хуров надо было сделать ещё очень многое! И, сберегая минутки, я стал выгибать петли с уже продетыми в них дюралевыми колышками внутрь палатки и вгонять их в землю одним ударом геологического молотка.

Я двигался по кругу и звонко бил молотком по ребристым колышкам. Шаг – удар, шаг – удар... Вождь шёл за мной, не отставая и не отрывая взгляд от молотка. На второй половине круга спросил:

– Сын неба научит купа этой работе?

– Попробуй, – предложил я и протянул молоток.

Вождь схватил его быстро, нетерпеливо, будто давно ждал этот минуты. А с петлёй следующей возился долго. Но, в конце концов, правильно выгнул её внутрь палатки и загнал колышек в землю. Хоть и не с одного удара, а с трёх. Мазал...

Впрочем, следующие колышки он уже забивал с двух ударов. Потому что первый чаще всего попадал мимо. Один пришёлся по пальцу. Но вождь только поморщился.

Пока он двигался по кругу, я захлопнул верхний клапан парашюта, и теперь он стал полной защитой от дождя. А шнур клапана – на всякий случай! – не срезал. Пусть себе висит.

– Нравится тебе этот молоток? – спросил я Тора.

– Нравится.

– Возьми его себе.

– Я отблагодарю тебя, – пообещал вождь.

Отказываться от его благодарности не хотелось. Пусть

лучше сделает мне хоть какое-нибудь добро и потом ждёт благодарности от меня. Авось, так оно и пойдёт...

Довольно быстро забил он остальные колышки, полюбовался ещё на молоток и только после этого перевёл взгляд на красный сатин, лежавший поверх тюка.

– Что это? – любопытствовал он.

Ответить я не успел. В палатку буквально влетела Лу-у с двумя крупными плодами в руках. Цветом они напоминали незрелые, зеленоватые бананы, а формой и размером – небольшую дыньку.

Лу-у протянула эти плоды одновременно Тору и мне.

Видимо, настало время завтрака.

Я решил не торопиться и посмотреть, как управится с этим лакомством Тор.

А он, похоже, догадался, что должен показать пример.

Впившись в верхушку плода зубами, он буквально выкусил её и сплюнул себе под ноги. Потом пальцами стал обламывать корку по кругу и тоже бросал кусочки под ноги. А затем, достаточно расширив отверстие в вершине плода, запустил в него кисть руки, выгреб пахучую мякоть и отправил её в рот.

Теперь была моя очередь. Жующий Тор и молчащая Лу-у глядели на меня. А я думал о том, что ложки где-то в тюке, отыскать их быстро невозможно, а чистота моих рук в сей момент весьма сомнительна. И, похоже, придётся нарушить классические правила хорошего тона, о коих, к счастью, ни

Тор, ни Лу-у понятия пока не имеют.

Посему я спокойно снял нож с пояса, вытер платочком его лезвие, срезал вершину плода и запустил лезвие в его середину. С ножа пришлось и пробовать. Хотя мама с малых лет моих внушала, что это крайне неприлично.

Но до приличий ли тут, когда с севера движутся неведомые хуры за местными дамами, а селение вежливых купов пустеет прямо на глазах. Цепочка женщин и детей, так и не разведя утренних костров, тянется в лес, за коим где-то должна быть река. По крайней мере, была на карте.

Содержимое плода оказалось не только ароматно, но и приятно на вкус. Что-то вроде подслащённой, хорошо проваренной и охлаждённой тыквенной каши, которую я очень уважал в детстве. А потом она как-то незаметно ушла из моего меню и стала редким лакомством.

«Наверное, интерес к этому плоду, – подумалось мне, – достаточный предлог для того, чтобы включить Лу-у в разговор».

Быстренько я выхватил из ранца ещё один мыслеприёмник и протянул девушке. Она так же стремительно схватила его и натянула на голову. Будто ждала этой возможности.

Авось теперь у вождя не будет предлога отнять его? Ведь и на нём этот невесомый наушник...

– Что за плод ты принесла? – спросил я Лу-у. – Как он называется?

– Кхет называется, – ответила она. – Он растёт вдоль на-

шей реки. Был он тебе приятен?

– Очень приятен, – согласился я. – Сыны неба прислали тебе за это са-тин.

Подхватив красный отрез с тюка, я слегка развернул его и протянул Лу-у.

О, женщина! Едва взглянув на яркую ткань, она тут же попыталась намотать её на свои бёдра поверх шкуры.

Не знаю уж, на чём держалась эта шкура, но она вдруг упала. На какой-то миг девушка предстала перед мной совершенно обнажённой. Однако тут же замоталась материей, подхватила свою шкуру и убежала с весёлым криком: «Са-тин! Са-тин!»

Мыслеприёмник так и остался на ней.

Глядя ей вслед, я подумал, что придётся, похоже, обеспечить это племя ещё и английскими булавками.

Впрочем, может, дело тут не только в ненадёжных завязках звериных шкур?

– Моя дочка всегда была озорной, – услышал я сбоку голос Тора. Он как бы отвечал на мои мысли. – Когда она выберет себе мужа, ему придётся трудно.

– У купов девушки сами выбирают мужей? – поинтересовался я.

– А разве бывает иначе? – удивился вождь. – Когда мужей выбирают женщины, племя сыто. Каждый охотник старается... У сынов неба не так?

– У нас это не имеет значения, – ответил я. – Мы всегда

сыты. У нас не важно, кто кого выбирает.

Плод и нож я всё ещё держал в руке. А Тор свой кхет уже вычистил и бросил под ноги опустевшую кожуру.

Мне её так ножом не вычистить. Нужна ложка. Как бы порыться в тюке?

– Тут немало подарков купам. – Я показал Тору на тюк. – Давай посмотрим, что прислали сыны неба?

– Смотри, – милостиво разрешил вождь. – Я посмотрю тоже.

Теперь я спокойно отложил в сторону пахучий кхет, воткнул нож в ножны на поясе и взялся, наконец, за тюк.

Так... Стопка пластмассовых мисок. Опять отрез красного сатина... Стопка небольших пластмассовых вёдер... Снова сатин. Зелёный. Упаковка пластмассовых стаканчиков... Кулёк с цветными лентами... Ложки! Наконец-то, пластмассовые ложки в прозрачном пакете. И в непрозрачном, тёмно-сером – тугие тюбики с питательной пастой, дня на три запас. Если не больше... А под ним – две ракетницы с набором ракет и хлопушек. Ещё отрез сатина – голубого. А в нём три пары ножниц с закруглёнными концами. Толстые нитки с крупными иглами. И, наконец, новенький аккумулятор для ранца. Это надо сменить сейчас же – суперЭМЗ работал всю ночь... Да и дорожка у меня была не ближняя... ещё этих хуров гнать...

– Теперь смотри! – разрешил я Тору. – Забирай себе что хочешь!

Почему-то думалось, что аккумулятор и ракетницы он для начала не выберет.

Пока он таращил глаза – в основном на цветные ленты и на сатин, – я сменил аккумулятор в ранце и неторопко воткнул в запасные гнёзда на поясе обе ракетницы. Теперь три ракетницы висели на мне: одна прежняя – справа, и две за спиной. По сути я был почти готов встречать нехороших хуров. Ещё осталось хлопущки рассовать по карманам на рукавах...

Вождь явно колебался – между разноцветными лентами и пунцовым сатином. Миски, вёдра и ложки его внимания не привлекали. Я воспользовался его колебаниями, распечатал пакет с ложками, вынул одну и стал спокойненько доедать кхет. Теперь, с ложки, он казался ещё вкуснее.

Тор, не обративший никакого внимания на мою возню с аккумулятором и ранцем, тут же, однако, заинтересовался моим завтраком. Но выдержка не изменила ему, и он не произнёс ни звука, пока я не доел кашу из кхета, пока не опустил кожуру на тюк.

Только после этого Тор произнёс уже привычное:
– Покажи!

И протянул руку за моей ложкой. Именно за моей! Остальные он, вроде, не заметил. Они ведь были в пакете, вложенные одна в другую.

Радостно отдал я ему свою беленькую ложку. Тор тут же обнюхал её, облизал и так же радостно признался:

– Я выбрал это.

И я понял, что остальные ложки пока надо спрятать. Чтоб не лишиться вождя счастья обладать уникальным предметом.

Из кулька с лентами я выдернул моточек пронзительно синей и протянул Тору. Пока он разматывал его и любовался шелковистыми переливами, я засунул кулёк с ложками на дно опустевшего тюка и придавил отработанным аккумулятором. Авань, не доберутся?..

И тут в палатку вошёл один из охранявших меня «гвардейцев» – тот, что постарше. На шее болтался «галстук» из подаренной на рассвете ленточки. Охранник сказал Тору несколько отрывистых слов – будто доложил о чём-то, а вождь выслушал его и довольно улыбнулся.

– Теперь готовьтесь встречать хуров, – спокойно распорядился он. – На берегу Кривого ручья... Трёх охотников отправь навстречу. Пусть они идут к нам впереди хуров.

Я выглянул из палатки. Между хижинами ходили только мужчины. Женщин и детей след простыл. И никому не было дела до подарков от «сынов неба», разложенных под куполом парашюта.

3. Тактика и стратегия

Пока я разглядывал из палатки селение, Тор и стороживший меня ночью «гвардеец» молчали. А я не торопился в этот момент. Надо обдумать ближайшие действия. Всё складывалось не так, как я напланировал раньше.

По-хорошему, надо немедленно закрепить вторую палатку. Пока не перевернуло случайным порывом ветра, который запросто может обесценить мой подарочек.

Но, чтобы закрепить палатку, надо перейти в неё вместе с ранцем. И лучше – вместе с Тором. Пусть и там помахает молоточком! Раз ему это в удовольствие...

Затем следовало осмотреть поле предстоящего сражения у какого-то Кривого ручья. Пока светло... Конечно, и ночью светло станет – всё в моих руках! Но тогда будет не до спокойных прикидок.

И ещё надо обдумать, как не украсть победу у вождя Тора. Если вдруг купы решат, что хуров прогнал именно я, Тор может стать моим врагом.

А должен стать другом, иначе ничего не выйдет. Это всё, так сказать, тактика. Сегодняшние заботы. Но есть и завтрашние. Хуры тоже не должны стать моими врагами. Иначе потом к ним не подступишься. И стратегия, видимо, в том, чтобы путь к диалогу с воинственными хурами остался открытым. Несмотря на сегодняшнюю ситуацию.

Хорошо бы засветло добраться до вертолётa! Может, догадались положить туда мегафон? Когда-то Марату, в племя ра, отправили мегафон по настоянию Розиты. Она уверяла, что с его помощью легче воздействовать на неорганизованную толпу. В ранней её юности, на прекрасном острове Куба, Розите это вроде неплохо удавалось. По её собственным рассказам...

Ну, всё?

Теперь надо чем-то одарить «гвардейца». Как-никак, он меня охранял. А я даже имени его не знаю.

В ранце оставались ещё два мыслеприёмника. Остальные надо искать опять же в вертолёте. Невелик резерв! Но ведь и людей, мало-мальски связанных с моей персоной, тут тоже пока не густо!

В общем, нагнулся я над кульком с лентами, выбрал моток ярко-зелёной и отчекрыжил от него второй галстук для «гвардейца». А пока он его разглядывал да приспособабливал рядышком с первым, я достал мыслеприёмник, протянул ему и показал на свой.

«Гвардеец» внимательно посмотрел на Тора, вспомнил такую же дугу на голове у Лу-у и безбоязненно натянул аппарат на буйные чёрные кудри. Сообразил, похоже, что опасности тут никакой.

– Ты хорошо охранял меня ночью, – сказал я ему. – Хочу знать твоё имя и считать тебя своим братом.

– Я Сар, – ответил он со спокойным достоинством. – Я

рад иметь такого неуязвимого брата, как ты.

Значит, ночью он всё-таки «пробовал» меня копьём? Как же иначе обнаружишь мою «неуязвимость»? Но сейчас это уже неважно... Я протянул ему руку. Он нагнулся, обнюхал её и только после этого осторожно коснулся своей ладонью моей кисти.

Ладонь его была сухой и горячей. Как нос у больной кошки. Выходит, он меня не боялся, иначе ладонь была бы холодной и потной.

Что ж, всё нормально: не страх должен я тут внушать...

– Хочу посмотреть берег Кривого ручья, – сказал я одновременно Тору и Сару. – Мне тоже надо подготовиться к битве с хурами.

– Пойдём, – ответил вождь. – Покажу.

– Но вначале надо прикрепить к земле вторую хижину, – напомнил я. – Там ещё один молоток.

При слове «молоток» глаза вождя метнулись к его рукам. Обе были заняты: в одной подаренный геологический молоток, в другой – ложка и моток синей ленты.

– Пойдём в другую хижину, – согласился вождь и двинулся к выходу. Сар кинулся за ним, явно прикрывая его спину. Но от кого же, кроме меня?.. Значит, всё-таки боялся – не за себя, за вождя?..

За ними, подхватив ранец и кулёк с витаминными пастами, вышел и я.

Между палатками невинно пестрел на прежнем месте на-

дувной матрасик, на котором провёл я ночь. Примятая вокруг трава почти распрямилась.

Никто его не тронул.

В центре второй палатки так же лежал тюк, и к боку его так же был приторочен ремнём геологический молоток.

И всё повторилось. Я выгнул внутрь лишь первые петли и вогнал в землю лишь первые колышки. А Тор уже пошёл по кругу на противоположной стороне парашютного купола. И Сар, поглядев на нас, сам попросил у меня молоток – протянул за ним руку.

Пока они увлечённо стучали молотками по дюралевым колышкам, – им явно нравился этот звон! – я захопнул верхний клапан, стремительно скинул на тюк верхнюю рубашку, затем – нижнюю, и снова натянул верхнюю – с карманами и радиофоном. У меня их было два – на руке и на рубашке.

На это ушли секунды, шерстяная нижняя рубашка осталась на тюке.

День разгорался. Становилось жарко. Помощники мои почти обнажены, а я – с севера – в двух рубашках...

Переодевание моё интереса не вызвало. Тор и Сар взглянули мельком, искоса, и продолжали стучать. Пока они закончили, я ещё и тюбики витаминной пасты рассовал по карманам.

– Тебе нравится этот молоток? – спросил я Сара, когда он выпрямился.

– Нравится.

– Возьми его себе.

– Я отблагодарю тебя, – ответил он точно так, как Тор.

Будто слышал его ответ.

Хотя и не слышал.

Может, это привычная для племени формула? Вроде нашего «спасибо»?

– Какая белая хижина тебе больше нравится? – спросил я Тора. – Бери любую! Живи в ней!

– Потом, – ответил он. – Когда уьём хуров.

– Пойдём на Кривой ручей, – предложил я и натянул ренец.

– Пойдём, – согласился Тор.

Ленту и ложку он оставил в палатке, рядом с тюком. А молоток из рук не выпускал. Как и Сар... Видно, сразу поняли, что это орудие годится не только для забивания колышков.

Мы шли по лесу к северу минут пятнадцать. С километр, значит... Между деревьями мелькали иногда купы с копыями и луками. По пути присоединился к нам и второй «гвардеец». В руках его были два копыя, за спиной – лук, справа – пучок длинных стрел. Одно копыё он сразу отдал Сару.

Опушка пришлась как раз на высокий обрыв. Несколько деревьев, подмытых ливневыми водами, съехали по обрыву к видневшейся внизу воде. Чёрные корни поднимались над коричневой глиной словно угрожающие щупальца внушительных спрутов.

Ручей внизу был невелик, хотя полную панораму и скрывал кустарник. Но обрыв оказался просто замечательный! И весь противоположный северный берег – как на ладони. Лучшего места для обороны не найти. Вождь знал своё дело!

По ту сторону ручья лес начинался не сразу. Широкая низкая зелёная с песчаными проплешинами пойма подходила вначале к полосе кустарников, и только за ними поднималась опушка другого леса.

При таком рельефе местности, хуры, знавшие сюда дорогу, могли рассчитывать только на темноту и полную внезапность нападения. Больше тут не на что надеяться.

Однако внезапность испарилась. И если бы кто-нибудь предупредил об этом хуров, они спокойно могли бы поворачивать домой.

Судя по всему, селение купов вовсе не случайно оказалось на нынешнем месте. С юга от него, очень близко, бежала река с островом. С севера прикрывал замечательный обрыв Кривого ручья. Вождь знал своё дело!

Собственно, теперь всё главное стало мне ясно. Вряд ли высунутся хуры из противоположного леса до темноты. Это было бы совсем неразумно. И вряд ли в темноте опасны для них на широкой пойме стрелы купав. По сути это будут слепые стрелы.

Главная битва предстояла на обрыве. Хуры – вверх, купы – сверху... Не зря вдоль опушки лежало на земле немало суковатых дубин. По лесу с этими палицами не разгуливали.

Они ждали своего часа на месте.

Купы на опушке пока не таились – ходили свободно. Видно, надеялись на разведчиков, которые предупредят о приближении врага. Однако костров не жгли и на обрыв не спускались. Пересчитать воинов мне сразу не удалось – они не сидели на месте, но, думаю, их было около тридцати. Как и хуров... При выигрышной позиции, у купов были все шансы на успех. Даже и без моей помощи.

Но вот сколько голов тут разmozжат дубины? Сколько животов проткнут копьё? Скольких похоронят потом? Если не вмешаться...

Ходил я по опушке как под конвоем – справа Тор, слева – Сар. Оба с молотками, которые при обороне могут быть гораздо полезнее дубин. У других воинов молотки вызывали явный интерес, но никто не просил их, даже и посмотреть. Только взглядами оглаживали купы новое незнакомое, но совершенно понятное оружие.

На моей совести теперь было, чтоб оно не опускалось на головы других людей.

...До темноты дел тут не оставалось. Сейчас бы к вертолёту! Вот там работы полно! Как бы повежливее оторваться от конвоя?

А, собственно, в чём проблема? Летающим они меня уже видели.

– Я вас покину сейчас, – сказал я вождю. – Надо подготовить огни неба. Чтоб обрушить их на хуров. К темноте вер-

нусь.

– Удачи тебе! – прозвучал в моём мозгу ответ Тора. И звуковой ряд я услышал:

– Ухр!

Что ж, первое слово на языке купов поймано.

– Не снимайте дугу! – попросил я одновременно Тора и Сара и показал на свой мыслеприёмник. – Вечером нам надо поговорить.

Оба не ответили. Только улыбнулись. И улыбки показались мне сожалеющими: вероятно, решили, что я трусливо убегаю с поля боя.

Убедить их сейчас в чём-либо ином я никак не мог. И торчать тут полдня без дела – тоже. Пусть пока думают, что хотят. А меня ждут другие заботы.

Я врубил движок, через минуту был над деревьями, и оборонительная линия купов скрылась за стеной леса.

4. «Как жаль, что мы понимаем это только сейчас!»

Мегафон висел в вертолётe на самом видном месте – напротив входа. Новенький, сверкающий, с регулятором громкости до самых оглушительных децибелов.

«Спасибо, милая Розита! – мысленно поблагодарил я. – Ты даже не представляешь, сколько жизней может спасти сегодня твоя предусмотрительность!»

За все три года нашего знакомства одни только приятности приносило общение с этой прелестной женщиной – и на Земле, в лагере астронавтов «Малахит», и в космосе, и здесь, на планете Рита. Многие события Розита словно предвидела, продумывала наиболее вероятный ход и незаметно готовила к ним окружающих. Она всегда умела сказать нужное слово в любой обстановке или просто разрядить её милой улыбкой. Она писала пронзительные собственные песни и бесподобно исполняла песни чужие. Она лихо плясала, и никогда мне не забыть, как в безднах космоса, на полпути к этой зелёной планете, и пятнадцати парсеках от родного дома, отплясывали мы с Розитой огненную кубинскую «байлю».

У этого танца и название-то лихое: «веселись!»

Хотя с чего нам тогда в космосе было особенно веселиться? С того, разве, что живыми вылезли из первой половины

анабиоза?

И лишь в одном Розита чудовищно промахнулась, одного не разглядела загодя – может, самого главного для себя! – глубин Женькиной души.

Тогда, в знаменитом уральском «Малахите», который казался нам, юным, чуть ли не пупом Галактики, обаятельная кубинская девчонка, видимо, чувствовала себя поначалу почти провинциалочкой. Так, по крайней мере, думается мне сегодня... И высокий широкоплечий уверенный в себе Евгений Верхов, уже имевший известность молодого изобретателя, наверняка представлялся ей надёжной опорой и защитой на всю жизнь.

Ясно ведь, что она его выбрала, а не он её. Столько парней крутилось вокруг этой красавицы... Она выбирала!

И всё это лишь для того, чтобы здесь, на Рите, разглядеть, наконец, Женькину душу, уйти от него из удобной квартиры и вернуться на опустевший звездолёт, в узкий и тёмный «пенал» – каюту, где проспала она в анабиозе сорок лет ракетного времени – наш путь через космос...

В «Малахите» я восхищался Розитой, как и все. Не представляю себе парня, которому она не нравилась бы. Но выбрать меня она никак не могла: не крутился я вокруг неё. И вообще никогда не крутился вокруг чересчур красивых девчонок. Они требовали слишком много времени. А мне с детства было некогда.

И ведь как-то всё решалось у меня без этого коллективно-

го верчения вокруг женской юбки. Не всегда, правда, удачно решалось... Но ведь и у других не всегда. Возможно, Розита и заметила меня лишь в космосе, когда наша смена разбудила их с Женькой на очередное дежурство и когда перед моим возвращением в анабиоз сплясали мы с нею совершенно случайно наш единственный в жизни танец. Она оставалась вести звездолёт, я уходил в двадцатилетний сон...

И то после этого лихого танца такие страдающие глаза были у моей бедной Бируты!.. Даже если бы Розита пригласила меня тогда на второй танец, я отказался бы. Чтобы Бируту мою нежную не мучать.

А теперь от Бируты – свежий могильный холмик по соседству с Городом. Да табличка на памятнике: «Бирута Тарасова (Аугшкап)». И даты двадцатилетней жизни. По земному летоисчислению...

Нет радости от моих воспоминаний. И лучше не терзать себя ими. А так, думать в пределах ближайших задач: что надо сделать сейчас, что потом, что попозже...

Сейчас хорошо бы перекусить, и не витаминной пастой, а консервами, капитально, чтоб хватило надолго. Сейчас надо собрать всё необходимое до завтра, разглядеть топографическую карту окрестностей, провести сеанс связи – чтоб вечером в Городе не волновались. Особенно – мама... Вечером будет не до связи... Ну, и затем осмотреть ближние окрестности – в свободном полёте. Хватит для начала?

...Самый срочный багаж набирался солидный: мегафон,

запасной матрасик, спички, зажигалки, налобный фонарь, фляжка с прохладной тайпой, телевизор и съёмочная камера, охалка мыслеприёмников, рулончик клейкой плёнки, чтоб наглухо запечатать хоть одну палатку, холодильник со стёклышками для анализов крови – ведь могут быть и раненые. Как этим не воспользоваться?.. А если воспользуюсь – значит, ещё и пеленгатор, потому что второй вертолёт на эту поляночку уже не сядет, для него придётся искать другое место... всё это спешно, бегом, без передыху! Вот уж никак не думал, что в стане дикарей попаду в такой цейтнот!..

Вот опять же: если раненые – значит, прихватывай и аптечку. Сколько это набежит килограммов? Небось, пуда два? Не страшно! Жюль Фуке тащил свою Налу к берегу километров десять по Восточному материку, на одном ранце. Выдержал ранец! И Нала, очень в то время голодная и худая, весила, наверное, не меньше трёх пудов. Значит, и мой ранец выдержит. Мне-то тут полёта – две сотни метров...

Теперь – карта! Недосуг было обстоятельно разглядывать её в Городе. Захлёстывали прощальные заботы, и думалось: разгляжу спокойно на месте. Потому и стала для меня полной неожиданностью превосходная оборонительная линия на Кривом ручье. Но ведь она вполне могла бы разместиться в моей голове и пораньше...

Кстати, почему ручей – Кривой?.. Так... Карта – со спутника, по сути – контурная. Ни одного названия! Вот он, этот ручей! Действительно Кривой! За селением резко сворачи-

вает к югу, впадает в реку и образует вокруг устья громадную болотистую низину. С востока сквозь это болото к селению не подступиться. Увязнешь! С юга – река. С севера – высокий обрыв Кривого ручья. Молодцы купы! Безо всяких карт найти такой защищённый и сухой уголочек!..

Ну, и где тут на реке остров?.. Есть, вот он! Небольшой, вытянутый по течению, явно прижатый стрежнем к северному берегу. Узенький проливчик меж ними, видимо, спокойный. Течение должно быть южнее острова. Всё логично! Прекрасное убежище! Ай да купы! Если такое племя да меня полюбит!!!

Теперь – связь! Время бежит. А с севера бегут хуры.

– Город! Город! Ответьте Тарасову!

– Город слушает. – Бесподобный контральто Розиты. –

Что у тебя, Сандро?

– Вечером связи не будет. Поэтому вызвал сейчас.

– Что-то намечается?

– Битва народов. Бородино! Или Аустерлиц. Как угодно.

– У тебя есть всё необходимое?

– Вроде, всё. Низкий поклон тебе за мегафон.

– Пусть он будет самым главным оружием!

– Есть просьба, Розита.

– Записываю.

– Может, подберёте концерт-солянку? Любые песни – хоть в записи, хоть в живом исполнении. И немного танцев. Местное или с Земли – всё равно! Минут на сорок. Больше

они, вероятно, не выдержат.

– Уже готовишься праздновать победу?

– Как-то я не настроен на поражение... По логике, они должны отплясать победу сами. Племена наверняка понадобятся разрядка.

– Исполать тебе! Так, кажется, говорят в России?

– Хочешь знать, как говорят здесь?

– Записываю.

– Ухр! Удачи! Ухр купум – удачи купам! Мне тоже пожела-
ли «ухр»...

– Как зовут твоего вождя?

– Тор.

– Значит, «ухр Тор»? Сделать это лозунгом концерта?

– Ты самая мудрая женщина, Розита! Из тех, что встретились на моём тернистом пути...

– Что тебе стоило сообразить это пораньше? – Розита вздохнула, и мне показалось – непритворно. Что уж она имела в виду? «Малахит», где в упор меня не замечала?

В последние недели Розиту часто видели с архитектором Теодором Вебером. Он был одним из вдовцов «со стажем». Жена его давно умерла от ренцелита. Позже от этой страшной болезни избавил весь Материк микробиолог Натан Ренцел. Напрочь вывел смертоносного комара, переносчика заразы. Благодарные земляне называли погибшего комара по фамилии Натана, а по комару – уже и болезнь. Натан не возмутился, принял с юмором. А было это ещё до прилёта на-

шего, третьего корабля. Мы получили готовые прививки.

Что ж, Вебера можно понять: такая роскошная женщина освободилась! Но как понять Розиту? Пошутила? Не заметить? Вдруг это обидит её? Вот бы не хотел!

– Я запомню твои слова, Розита!

– Это угроза? – Розита рассмеялась.

– Нет, обещание.

– Говорят, ты выполняешь все свои обещания.

– Это говорили только в школе.

«Наверняка Женька брякнул!» – подумал я.

– А потом уже не выполнял? – не без ехидства поинтересовалась Розита.

– Потом этого не замечали.

– Почему?

– Может, потому, что трепачей не брали в «Малахит»?

Вот я и стал незаметен...

– Это тебе казалось... – Розита опять грустно вздохнула. – Как жаль, что мы понимаем это лишь сейчас!

И уже другим, деловым тоном спросила:

– У тебя всё?

– Да. Конец связи.

5. В свободном полёте

Селение купов было пусто – ни людей, ни собак...

Собственно, домашних животных я тут пока не видел. Ни одного! По Моргану, это свидетельство стадии дикости. Лишь в стадии варварства появляются домашние звери. Изучали мы Моргана в «Малахите» по курсу истории первобытного общества – вместе с Бебелем, Энгельсом, Ливингстоном, Миклухо-Маклаем...

Загашенные с вечера костры, безмолвные хижины, крытые выгоревшими и свежими пальмовыми листьями, полная тишина – если не считать пения птиц. Таким увидел я сейчас селение... Только острый запах палёного мяса, обгоревших костей, раскиданных повсюду – остатки вчерашнего сытного пиршества – говорили, что люди здесь были совсем недавно.

Весь багаж сложил я в той палатке, где лежала поверх тюка моя шерстяная рубашка. Сюда же перенёс из другой палатки использованный аккумулятор, ножницы, иголки с нитками, стопки ложек. Всё остальное надо раздать сразу, как только селение оживёт.

В обеих палатках было душно. Купола парашютов, пропитанные быстротвердеющей смолой, совершенно не пропускали воздуха. Он шёл только через узкий дверной проём. Видимо, конструкторы понимали, что этого мало, и предусмотрели боковые вентиляционные клапаны. Но они застёг-

нуты короткими ремешками. Пришлось обойти обе палатки по периметру и ремешки отстегнуть, клапаны приподнять. Пусть уж вождь, когда вернётся, получит всё сразу в наилучшем виде!

Вообще-то я мог отдать купам сразу обе палатки. Вторую, предположим, Сару, которого назвал своим братом. В вертолёте сложена ещё одна – брезентовая, геологическая, куда более просторная, чем эти.

Но... Не навредить бы Сару! Если вождя может обидеть появление у всех таких же ложек, как у него, то что говорить о «царской» палатке для рядового охотника?

Да и мне-то зачем иметь жилище лучшее, чем у вождя? Тоже может боком выйти...

Марат Амиров давно сообщал из племени ра, что новые его соплеменники невероятно обидчивы. И, чтобы я не считал это особенностью только одного племени, Михаил Тушин на прощанье предупредил:

– Чем менее образованны люди, тем более обидчивы. Со всем необразованные обижаются из-за любой мелочи. Преодолевать мелкие обиды – мука! Куда легче не допускать.

В мудрость Тушина я верил с детства, с того времени, как ещё школьником слушал на Земле его многочисленные интервью, читал его книгу о том, как была открыта планета Рита, мечтал сам улететь когда-нибудь вслед за ним на эту планету.

И улетел...

А теперь приходится соразмерять широкие возможности современной цивилизации с узкими психологическими рамками людей каменного века. Не убудет у купов, если ещё недолго поедят руками... Лишь бы Тора не обидеть... А там найдутся для него и другие материальные привилегии. Ложки же пойдут в широкие народные массы.

Когда-то и на Земле именно так распространялась материальная культура: из царских дворцов – в покои придворных вельмож, потом в каморки слуг, затем в среду городских мастеровых, и, в последнюю очередь, в деревенские избышки.

Именно этим путём прошли прочная посуда и удобная мебель, водопровод и канализация, электричество и телефон, радио и телевидение. И даже самые эффективные лекарства. Всё новое и прогрессивное правители неизменно поначалу использовали для себя. И вряд ли удастся мне изменить этот порядок на Западном материке. Надо быть реалистом... Пусть уж хоть так!

...Я перенёс в предназначенную Тору палатку его ложку и синюю ленту, а в свою убрал матрасик с улицы. Теперь можно запечатать свою палатку клейкой плёнкой, плотно прижав её по периметру входа. Авось не отдерут.

Мегафон я решил взять с собой. Удастся ещё раз заглянуть сюда до вечера, не удастся – кто знает?

Врубив движок, я снова поднялся над селением и решил осмотреть остров. Однако – свысока, чтоб не заметили. По-

тому что охотники могут не совсем правильно понять мой интерес, если в их отсутствие я стану подглядывать за их жёнами.

С высоты остров казался бы почти необитаемым, если бы не два тонких дымка на противоположных его концах. Были тут временные хижины, нет – неведомо. Если и были, то сверху их прикрывали раскидистые кроны громадных листовенных деревьев. Под каждой могла уместиться не одна хижина.

Интересовали меня, собственно, не столько хижины, сколько, так сказать, плавсредства. Есть ли у купов лодки? Как добираются они до острова? Долбить с ними челноки из стволов я, конечно, не собирался. Время дорого! Но можно попросить для них у Совета пластмассовые или надувные катамараны.

Даже в бинокль лодок на острове я не обнаружил. Но заметил, что три небольших плотика из тонких стволов нежатся на песчаной отмели. Видимо, на них и переправлялись женщины с детьми. По очереди, понятно...

Возле плотиков никто не мельтешил. И вообще никакой суеты на острове не просматривалось. Только костры дымили. Да ещё углядел я несколько рядов деревянных поплавок. Видимо, они держали рыболовные сети, перегородившие узкий пролив между островом и северным берегом.

Что ж... Далеко купам до морского народа! Нет лодок, значит, нет и движения по реке. Только с острова да на ост-

ров. И катамараны они к тому же приспособят. А зачем, собственно? Пока я жив, может, им спастись больше и не придётся?

Всё! С островом ясно! Теперь – на север. Пора поглядеть, где топают хуры. И пройти к ним лучше над болотистым устьем Кривого ручья. Чтоб не докладывать о разведке вождю купов. У него своя разведка, у меня – своя.

Низину перемахнул я быстро и не заметил ничего выдающегося. Болото как болото: кочки, кустарник, редкие и тощие лиственные деревья. На северном краю низины, перед тёмной опушкой, мирно паслись в салатно-зелёной траве два небольших светло-коричневых стада каких-то парнокопытных. Что-то вроде косуль... И ведь совсем близко от селения! Не зря так много костей на его просторах... Благодатный край! Потому и племя не агрессивно. Озlobляет людей обычно лишь очень долгая цепь сплошных несчастий. Вот как у племени ра, в которое окунулся знакомый мне со школьных лет Марат Амиров – теперь такой же молодой вдовец, как и я.

За болотом я слегка крутанул на запад и вышел на прямую, по которой вчера прилетел в эти края. Под ней теперь топали за чужими женщинами пещерные хуры.

Они оказались совсем недалеко – километрах в семи от опушки напротив Кривого ручья. На небольшой полянке догорал костёр – у же голубые огоньки перебежали по угольям. А вокруг в густой траве в живописном беспорядке спали во-

ины – рядом с копьями, луками, стрелами, палицами. Кто спал на боку, кто на животе, кто на спине – раскинув руки. И часовых, похоже, не было. Агрессоры набирались сил, уверенные в полной безопасности, в полной неожиданности похода.

Видно, в прежние походы так и было.

Напугать бы их сейчас до полусмерти – всё ведь при мне! – да погнать назад. Но тогда никак не свяжут они это с купами и рано или поздно вновь притопают сюда же. И может пролиться кровь.

Да и мне с купами жить будет труднее, если не на их глазах оберну я против их врагов всю мощь «сынов неба». Жди потом случая!

К тому же и «язык» мне необходим – как говорили во времена Второй мировой войны, о коей готовил я доклад в школьные годы. Что за племя? Где живёт? Чем живёт? Почему охотится на чужих женщин? Чего от него ждать в будущем?.. А брат «языка» лучше возле селения. И допрашивать – дома. Я же его усыплю! Ему же проспаться надо!..

Ладно уж! Пусть пройдут неразумные хуры свои семь километров...

Через несколько минут я опустился на обрыв над Кривым ручьём и увидел, что воины-купы мирно обедают. У каждого в руках был кхет и кусок подвяленного мяса. И ещё целая горка бледно-зелёных плодов лежала на траве между палицами.

Опершись спиной на ствол дерева, неторопливо ковырялся рукой в кхете вождь Тор. Геологический молоток лежал возле него на траве.

«Гвардеец» Сар, отложив свой плод, приподнялся, взял из горки ещё один и протянул мне.

Я взглянул на голову Сара. Мыслеприёмник был на нём. Значит, можно говорить.

– Я отблагодарю тебя, – произнёс я знакомую формулу, принимая кхет. – А сейчас сбегая к ручью и быстро вернусь.

Надо помыть руки. Ложки при мне не имелось. Придётся есть руками. Как все купы.

Плод я оставил возле Сара, а ранец не снял. Подниматься вверх быстрее на движке.

Ручей бежал внизу неглубокий, прозрачный, прохладный. Он был столь неширок и неглубок, что я удивился: как сумел он отхватить себе такую просторную пойму и такой высокий обрыв? При отсутствии снежной зимы и бурных паводков...

Вода на перекате приятно холодила пальцы. Я взмутил речной песок, протёр им потные горячие потемневшие ладони – как мылом. Когда песок унесло течением, в глаза ударил тёмно-зелёный слюдяной блеск. Под унесённым песком лежал кусок слюдиты. Это интересно: я уралец, и с детства знаю, с чем кушают тёмно-зелёный слюдит. Никакого подходящего инструмента под рукой не было, и я выбил камень из воды носком ботинка.

Слюдит вылетел на берег – совсем небольшой, с детский

кулачок. В образовавшейся ямке вода замутилась, но серую муть быстро унесло течением, и хитро подмигнул мне оттуда чистый густо-зелёный зрачок. Его я уже осторожно выколу- пывал пальцами, и оказался он прекрасным ювелирным изу- мрудом – прозрачным, однотонным, без единой трещинки, без слюдяных вкраплений, всего с одним мутноватым пят- нышком по самому краю. Ну, и, понятно, с мутноватым ос- нованием. Всё как положено у ювелирных кристаллов. Ко- гда-то почти такой же разглядывал я – как величайшую цен- ность! – в витрине Геологического музея у себя на Ура- ле. Помню ещё и надпись на краешке витрины: «Изумруд в древности называли «смарагдом»».

Неплохая находочка для первых суток! Да ещё в слюдя- ном кулачке может что-нибудь отыскаться, если неторопли- во поковырять его ножичком да молоточком...

Жаль только, что особой ценности это здесь, на Рите, не имеет: женщины не гоняются за украшениями, огранщиков сюда с Земли не посылают, никто о драгоценных камнях не говорит и не думает. Разве что рубины ищут – и то лишь для собственных лазеров. Пока у нас все лазеры – привозные.

И всё-таки... Вдруг ещё один отыщется?

Я слегка поковырялся возле ямки. И выудил из ручья ещё один изумруд. Чуть поменьше первого. Но такой же чистый, вполне ювелирный.

Много же их тут может быть! Если за пять минут нашёл два. А если ещё поискать выше по течению?

Однако пора и наверх. Купы, небось, заждались.

Я спрятал неожиданные находки в карман и нажал кнопку ранца. Через минуту я уже срезал ножом верхушку кхета, обломил края и запустил внутрь руку.

Никого это не удивило, только Тора. Потому что он уже видел, как ел я кашницу из кхета ложкой. А другие – не видели.

Расправившись с кхетом и убедившись, что Тор мыслеприёмника тоже не снял, я сказал вождю:

– Когда хуры побегут от вас в свои пещеры, один из них упадёт и уснёт. – Я поднял вверх палец. – Или двое – пока не знаю. – Я поднял вверх два пальца. – Смогут твои воины связать его, спящего, и принести к белым хижинам? Достаточно одного! – Я снова поднял вверх палец. – Двоих не надо.

– Ты не сможешь съесть двоих? – на всякий случай поинтересовался Тор.

Я рассмеялся и успокоил его:

– Сыны неба не едят своих врагов. Даже не убивают их. Я поговорю с хуром и отпущу его.

– Тогда он опять придёт за нашими женщинами.

– Я запрещу ему. Он не придёт.

– Ты колдун? – удивился Тор.

– Немного, – согласился я.

– Тогда наколдуй нам успех.

– Это я уже сделал.

– Я не видел. Покажи!

Что я мог им сейчас показать? Устроить фейерверк? Светло, никакого впечатления... Пустить осветительную ракету? – То же самое... Кричать, подпрыгивать? – Смешно. Это они и сами умеют... Дёрнуть хлопушку? – Это хорошо в сочетании с ракетами, в темноте.

Может, мегафон их убедит?

Я надавил кнопку средней громкости.

– Ухр купум! – произнёс я без особого нажима, но с максимальной душевностью. – Ухр купум!

И все сразу подскочили – кто сидел, кто лежал. Все оказались на ногах. Видимо, звуков такой силы ещё не слышали. И глаза у всех, кроме Тора, были испуганы. Только вождь ждал чего-нибудь эдакого. Всё-таки колдовство... И ответил он достойно. Выдернул из-под кустика роскошную тиару из пёстрых птичьих перьев, насадил её на голову – удивительно ровно, сразу точно по центру! – топнул ногой и, подняв копьё, проревел:

– Шаш хурум!

И мыслеприёмник послушно перевёл мне:

– Смерть хурам!

Стремительно выстроились в круг охотники и, подпрыгивая, пронзая копьями воздух, пошли колесом вокруг вождя с общим криком:

– Шаш хурум! Шаш хурум!

Только сейчас заметил я, что у всех появились ожерелья на шее. Утром их не было. Зубы и клыки животных бились

на сухожилиях в тёмную грудь воинов-купов. У Тора болтались на груди пять длинных клыков и по шесть зубов с каждой стороны. У Сара клыков было три, а зубов всего восемь. У второго моего «гвардейца» висел всего один клык и по три зуба с его боков. У остальных охотников клыков вовсе не было, но зато зубов болталось немало. Видимо, это личные боевые регалии. Кто сколько заслужил... По-честному, по гамбургскому счёту... По зубам, как говорится, и почёт...

Но вот красных ленточек, которые нацепили утром на шеи мои «гвардейцы», сейчас на них не было. Эти украшения не считались боевыми.

А воины купов шли в бой!

6. Бескровная победа

Пока они крутили боевой танец вокруг вежда, я, наконец, пересчитал их – двадцать четыре. Численный перевес всё-таки у хуров. Да и качественный, пожалуй, тоже. Среди воинов три явных подростка, почти мальчишки – худенькие, порывистые, без ожерелий из зубов. Видно, лишь грозная опасность поставила их в число воинов.

А вот стариков не было. Утром, в толпе, я их видел. Хоть и немного. Не сосчитал.

Значит, они на острове? Гуманно! Племя, где берегут стариков, всегда имеет наилучшие перспективы.

Однако военный мой подсчёт быстро устарел. В сгущающихся сумерках с двух разных флангов нашего «фронта» вылезли ещё трое молодых купов – посланные утром в разведку.

Они молча врезались в общий танцующий круг и, приплясывая, по меньшей мере трижды прошли по кольцу с общим криком «Шаш хурум!» Только после этого круг распался, и Тор громко спросил их:

– Что видели? Сколько хуров?

Мыслеприёмник перевёл его слова. Но не мог перевести ответ разведчиков. Говорили они долго, возбуждённо, перебывая друг друга. А я понял лишь одно: верный подсчёт. Шесть раз один из них разжал свою пятипалую ладонь перед

глазами вождя. Значит, насчитал тридцать хуров.

И больше ничего я не понял.

Ладно хоть до тридцати считать умеют!

Сумерки сгущались постепенно, а темнота упала как-то разом, словно на земном юге. Оглянуться не успел – уже темно.

И, значит, пора! Хуры, наверное, прошли свои семь километров и затаились на противоположной опушке.

Я достал из ранца и закрепил на лбу фонарь. К рукояткам двух ракетниц прижал резинками по две хлопушки. Сдвинул под правую руку гладкий белый уголок слипа.

Всё?

Купы следили за мной напряжённо, чего-то ждали – эффектного, видимо. Но я мог сейчас ободрить их лишь одним:

– Шаш хурум! – произнёс я в мегафон на средней громкости. – Ухр купум!

Затем надавил кнопку максимальной громкости и кнопку движка. И ринулся в темноту.

Белую осветительную ракету я пустил, подлетая к кустам на другой стороне поймы. Хуры, конечно, были уже здесь. Ещё недолго – и полезли бы к ручью. А затем, по их планам – на обрыв, сквозь лес и к засыпающим хижинам купов. Кратчайший путь!

Пока ракета висела в воздухе, хуры ошеломлённо таращили на неё глаза и молчали. Лишь один, вылезший из кустов на открытую пойму, закрылся рукой. Его-то и припечатал я

быстренько к земле своим слипом. Чтоб не торопился за чужими женщинами... И чтоб на виду лежал – искать недолго...

Вторая осветительная ракета была красной. И сопровождал её явной угрозой на полной громкости мегафона:

– Шаш хурум! Ухр купум!

Это должны слышать и воины купов. Мегафон гремел на всю долину ручья. Даже мои собственные барабанные перепонки ощущались своим сопротивлением...

Но надо же ещё и Тора помянуть! Как в боевом деле без вождя?

– Ухр Тор! – проорал я. – Шаш хурум!

И дёрнул хлопушку.

Теперь наконец-то раздался ответ:

– Нур-нур! – буквально завизжали внизу. – Нур-нур!

Что означает этот боевой клич, я пока не знал и дал им полминуты на раздумье. Потом пустил зелёную ракету. В мертвенном её свете увидел, как ползут хуры из кустов под защиту опушки леса. Именно ползут. А надо, чтоб драпали. Иначе купы нагонят их, и крови не миновать.

Может, звездопад их проймёт?

Из другой ракетницы пустил я фейерверк. Сотни разноцветных звёзд – впервые на этом материке! – букетами распустились в тёмном небе и посыпались на бедные нечёсанные головы неразумных хуров.

– Шаш хурум! – повторил я в мегафон угрожающе. – Ухр

купум! Ухр Тор!

И дёрнул вторую хлопушку.

Ну, что я мог ещё им сообщить? Чем их прошибёшь?

Следующая осветительная ракета – жёлтая – показала, что упрямые хуры не убегают от падающих на них звёзд, а прячут головы в траву. Как африканские страусы – в песок. Почти три десятка согнувшихся фигур увидел я на опушке леса. Скорчились, поджали под себя колени, и головы – в траву.

Может, они не хотят бежать при освещении? Может, побегут в темноте? Чтоб никто не видел их трусости?

Дождавшись, когда погаснет четвёртая осветительная ракета, я пригрозил в полной темноте:

– Шаш хурум!

И тут же услышал далёкий коллективный отклик:

– Ухр купум! Шаш хурум!

Это кричали с обрыва новые мои соплеменники. И, похоже, сыпались вниз с копьями, палицами и геологическими молотками. Луки наверняка оставили на обрыве. Зачем луки в темноте?

Пошли, значит, в атаку... Не дай Бог, доберутся до врага!

А что же хуры? Всё ещё кверху задницами?

Пятая осветительная ракета была опять белой, цветов на них не хватает... И в рукоятке пусто.

Опустевшую ракетницу я засунул за пояс сзади, а оттуда вынул третью, последнюю, пока ещё полную.

Теперь хуры, наконец, побежали. Не от моих ракет и хло-

пушек, а от купов. От их коллективного «ура», которое оказалось куда страшней. Возможно – полной неожиданностью. Ибо оно перечёркивало планы лёгкой победы.

«Бегите быстрее, будущие друзья мои! – подумал я. – Драпайте! Целей будете!»

И пустил им вслед ещё один фейерверк. И не пожалел на них ещё хлопушку. И, включив налобный фонарь, закружился над ними с угрожающим рыком:

– Шаш хурум! Шаш хурум!

Лишь сейчас они увидели кого-то живого над собой. Со звездой во лбу! И догадались, что этот живой обрушил на них весь ночной кошар. И снова завизжали:

– Нур-нур! Нур-нур!

Может, страшней Нур-Нура для них и зверя нет?

Ладно! Хорошо, что бегут. И пусть бегут быстрее купов!

Гнал я их долго. Пока не увидел, что они, бедные, просто валятся от усталости. Спотыкаются, падают, пробежав несколько шагов, валятся снова... И нет уже при них ни палиц, ни копий, ни луков. Всё порастеряли! И устали визжать «Нур-нур». Бегут молча.

За женщинами они теперь явно не вернуться. Не до того! Лишь бы их, обессиленных, не догнали и не перебили, как цыплят...

Возвращаясь, я выпустил ещё три осветительные ракеты – искал купов. Но их не было нигде. Они не преследовали побеждённых.

На краю поймы я прошёлся взад-вперёд вдоль кустарника, искал усыпленного воина. Его тоже не было. Видимо, купы унесли. Сам он уползти не мог – слип не даёт осечек.

За лесом над Кривым ручьём мерцали теперь два костра. Похоже, воины-купы вернулись в селение. Мне не стоило появляться там раньше них, и ещё одну ракету я истратил над лесом. Он был пуст.

Значит, все дома?

Ну, тогда можно и мне...

Спящий хур лежал между белыми палатками. Как раз там, где предыдущую ночь провёл я. Не убери я отсюда надувной матрасик, может, на него и положили бы. Руки и ноги пленника были надёжно стянуты тонкими гибкими ветками – типа земных лиан. Всё как договорились!

Женщин и детей в селении не было. У двух костров сидели только воины и ужинали – кхетами. Вождь Тор опорожнял свой кхет белой ложкой, которую я оставил на тюке в открытой палатке. Остальные поглядывали на него с некоторой завистью. Такой удобный инструмент, да ещё геологический молоток рядом...

Мне тоже был предложен кхет. Поскольку руки мои не были стерильно чистыми, а воды поблизости я не видел, пришлось сразу же, на глазах воинов, отодрать клейкую плёнку от входа в палатку и достать из кулька ещё одну ложку, посветив себе налобным фонариком. После грандиозной победы над хурами я считал себя вправе по крайней мере питать-

ся с такими же бытовыми удобствами, как вождь.

Ложка моя была принята народными массами спокойно, без эмоций.

А эмоции начались сразу после ужина.

Опорожнив и отшвырнув кхеты, воины вновь выстроились в хоровод вокруг вождя и повторили боевой танец. Сар отплясывал его не с копьём, а с геологическим молотком. И грозно лупил им в темноту.

Добавления к танцу были чисто звуковыми. Кроме «шашхурум», воины прокричали теперь ещё и мои давешние лозунги:

– Ухр купум! Ухр Тор!

А потом сам вождь, ещё не снявший тиару, топнув ногой и помахав геологическим молотком в воздухе, проревел новый лозунг:

– Ухр Сан!

Я понял, что это и есть их «спасибо». И другого мне не требовалось.

Прошли всего сутки с тех пор, как приземлился я в этом селении...

7. «Сколько разливов ты живёшь?»

Лу-у возникла неожиданно, как бы вынырнула из темноты, и наклонилась над спящим хуром. По-моему, она его обнюхивала – с мохнатой головы до связанных босых ног.

На плечах, руках и ногах девушки поблёскивали в свете костра капельки воды. Видимо, плыла с острова не на плотике.

Не знаю уж, почему она появилась тут первая изо всех женщин племени. Может, это привилегия дочери вождя? А, может, просто свойство её характера?

Я остановился у входа в свой купол парашюта и понаблюдал за нею. Хотя вообще-то надо готовиться к допросу пленного. Ведь проснётся когда-то...

Палатки вроде уже определились – как-то произошло это само собой. Там, где лежал распечатанный тюк с подарками, вождь Тор уже сложил своё оружие – копьё, лук, палицу. В другую палатку он пока не стремился.

Появление Лу-у очень меня обрадовало. Острее всего не хватало сейчас воды, но искать в темноте тропинку к реке я не решался. И не решался послать за водой кого-нибудь из воинов. Может, и принесёт, но наверняка обидится. А Лу-у обижаться не должна – дело вроде женское.

Однако для воды нужны вёдра.

Распечатывать тюк в своей палатке и искать в нём вёдра

– долго. Тюк завален вещами из вертолѐта, как стол. Другой «мебели» пока нет.

Придѣтся идти в палатку Тора.

Впрочем, Тор – у костра, в палатке темно...

Включив фонарь, я быстро выдернул из стопки вѣдер два, прихватил два стаканчика и вынес всё наружу. И выключил фонарь – от костров света хватало.

– Лу-у, – тихо позвал я.

Она мгновенно оказалась передо мной. Будто ждала, что её позовут. Бѣдра её были туго обѣрнуты утренним сатином. Весь отрез намотала на себя! В несколько слоѣв. И сатин был сухой. А на груди поблѣскивали капельки воды.

Мыслеприѣмник держался на её голове. Умница! Ведь дважды переплыла речной пролив – не потеряла!

– Принеси воды! – попросил я. И хотел добавить: «Пожалуйста!»

Однако осѣкся: как переведѣт аппарат это неконкретное слово? Может, лучше без него?

Лу-у приняла из моих рук белые лёгкие пластмассовые ведѣрки, покачала их и тоже тихо поинтересовалась:

– Что это?

– Ведро. – Я показал на левую её руку. – Ведро. – Я показал на правую. – В них сыны неба носят воду. Одно ведро принеси мне. Второе возьми себе.

– Я отблагодарю тебя! – пообещала она и убежала вприпрыжку с весѣлым криком: – Вед-ро! Вед-ро!

Почти автоматически я засёк время.

Теперь надо разыскать в ворохе вещей съёмочную камеру. Весь разговор с пленным я решил записать на плёнку. Для Совета. Получится самая полная и самая объективная информация.

Камера маленькая, с ладонь, с ремешком. Её можно пристегнуть к руке.

И ещё предстояло приготовить матрасик для пленного. Как-то неудобно не на улице, а в палатке класть его на голую землю.

И Лу-у появилась к этому моменту.

Пятнадцать минут она бегала... Туда вприпрыжку, обратно с двумя небольшими вёдрами воды. Значит, до реки никак не больше полукилометра.

Одно ведро она протянула мне, второе осторожно поставила у входа в палатку.

Я зачерпнул воду пластмассовым стаканчиком, понюхал: пахнет свежестью. Попробовал: холодная, чистая, как родниковая. И поймал себя на мысли: первое движение получилось как у купов – понюхать. Может, это приблизит меня к ним?

Вообще-то я почти не пил сырой воды. Дома, в детстве, для питья водилась только кипячёная. Всё-таки мама – врач, семья, значит, «медицинская». В «Малахите» тоже не принято было увлекаться сырой водичкой. За здоровьем нашим там следили в сто медицинских глаз. Разве что в лесных по-

ходах?.. И то если наткнёмся на чистый прозрачный уральский родничок... А если не наткнёмся, во фляжках всегда кипячёная...

Собственно, и тут неплохо бы завести самовар. Только где его взять? На всю планету, наверное, один – у Марата в племени ра.

Второй стаканчик я протянул Лу-у.

– Что это? – традиционно спросила она.

– Стакан, – пояснил я.

Она тут же повторило новое слово и, зачерпнув воды, выпила немножко. Как и я – чуть-чуть.

Но моей-то целью было не это. Для питья ещё болталась тайпа во фляжке. Мне бы умыться!

В одном из вертолётных баулов нащупал я кусок мыла, кулёк с полотенцами, выдернул одно и заткнул за пояс. Потом зачерпнул воду стаканчиком и, выйдя из палатки, нарочито неумело плеснул себе на руку с мылом.

Лу-у молча наблюдала за мной.

– Помоги мне, – попросил я. – Слей воду на руки.

Опять полезло на язык слово «пожалуйста». Опять я его задавил.

Лу-у поняла и зачерпнула воду своим стаканчиком из своего ведра. Оно стояло поближе.

С её помощью я помыл руки, лицо и шею. Сразу стало легче. Эх, целиком бы окатиться! Да обстановочка не та.

Не успел я вытереться, как завозился и засопел пленник.

Наверняка всё тело у него, бедного, затекло. И тут же из круга воинов у ближнего костра метнулся один, подлетел к пленному, наклонился и перевернул его с бока на спину.

Это был Сар. Возможно, наблюдение за пленными и спящими гостями входило в его обязанности как наиболее «клыкастого» охотника. Клыки и зубы добытых животных ещё болтались на его мощной тёмной груди, да и другие воины не сняли боевые ожерелья.

Момент был подходящий. Пленного предстояло перетащить в палатку. Иначе нормальную видеозапись не сделаешь. Света мало. А там хоть фон белый... Я уж собрался было тащить пленника один...

– Помоги мне, Сар, – попросил я. – Хура надо перенести в белую хижину.

Мыслеприёмника Сар, похоже, не снимал, понял всё, но ни о чём не спросил. Помог молча. И вдвоём мы быстренько отволокли в палатку охотника за чужими женщинами, уложили на надувной матрасик. Пленный протестующе мычал, бросался во сне односложными словами, но глаз не открыл. Ещё часа три ему предстояло спать.

За помощь я наградил Сара ведром и стаканчиком. Он уже видел воду в первых двух вёдрах и не ждал объяснений. Пообещав отблагодарить меня, побежал с ведром в темноту – за водой.

Сейчас же появился передо мной второй «гвардеец». Должно быть, наблюдал за происходящим. И протянул ко

мне обе руки ладонями вверх. Первый, кто попросил у меня что-то. Может, на основе давнего знакомства?

Снова сбегал я в палатку Тора и вложил в одну руду «гвардейца» стаканчик, а на другую повесил ведро.

– Тун эм, – отчётливо произнёс он и исчез в темноте вслед за Саром.

Жаль, что так быстро! Я-то собирался мыслеприёмник ему предложить да хоть именем поинтересоваться. Тоже на основе давнего знакомства.

Выражение «тун эм» я уже слышал не раз. Да вот только что его произнёс Сар, когда получил ведро. Кажется, это и есть «я отблагодарю тебя». Запомнить бы!

– Лу-у, – позвал я. – Как зовут этого воина? Который ушёл последним.

– Кыр, – ответила она. И поморщилась. Потом сама спросила:

– Что ты будешь делать с хуром?

– Разговаривать. Когда проснётся.

– О чём можно разговаривать с хуром?

– С каждым человеком есть о чём поговорить.

– Человек – ур, – спокойно объяснила мне местную лексику дочка вождя. – Хур – не человек. Они живут не так, как люди. И ведут себя не так, как люди. Когда-то они ели людей. Их ненавидят все ближние племена.

Это было интересно! Но расспросить Лу-у я успею. Вначале хорошо бы расспросить самого пленного. Он наверняка

знает больше.

– Вот я и заставлю его самого об этом рассказать.

– Зачем?

– Сыны неба хотят получше узнать ваших врагов. Чтобы запретить им красть ваших женщин. Они ведь не впервые пришли за женщинами?

– Они приходили пять разливов назад. Я была тогда ребёнком. Они сожгли наши хижины. Кого убили, кого угнали. Я всё видела. Я всё помню.

Вот как!.. Ужас ребёнка вырастает во «взрослую» ненависть. Что посеял, то пожнёшь... не возмущайся, что тебя зовут «нечеловеком»!

А время тут, значит, измеряют разливами? Не с этим ли связана такая громадная пойма у небольшого Кривого ручья?

Что ж, вполне естественно. Зим тут нет, вёсен нет, луны не имеется. А отсчёт времени вести надо.

– Сколько разливов ты живёшь? – задал я один из самых, может, нескромных вопросов в разговоре с женщинами.

– Много! – Лу-у расхохоталась и стала раскрывать передо мной ладонь – словно камешки в меня бросала. Четыре раза раскрыла. Двадцать разливов, значит, живёт. А на вид ей никак не больше шестнадцати. Значит, разливы тут – по земному календарю – примерно через каждые три квартала? Ну, чуть больше, чуть меньше... Точный возраст женщины – всегда загадка!

– Могу я послушать, что расскажет хур? – спросила Лу-у, отсчитав свой возраст.

– Можешь.

– Как я узнаю, что ты начал разговор?

– Зажгу свет. – Я включил и выключил фонарь на голове. –

Сейчас лягу спать. Когда хур проснётся, зажгу свет.

– Свет, свет! – Она попрыгала на месте. Видно, ей нравилось узнавать новые слова вместе с новыми понятиями. – Спи! – разрешила она. – Я пока пойду в свою хижину.

Она подхватила ведро с водой, прижала к груди стаканчик и хотела убежать вприпрыжку, но вода плеснула ей на ноги, и Лу-у ушла в темноту спокойно, плавно, слегка покачивая бёдрами.

Невольно смотрел я ей вслед. По всем земным понятиям, прекрасная фигура у этой девчонки. Ничего общего с коренастыми приземистыми, будто «прямоугольными» женщинами племени ра или даже с грациозно-тяжеловесными лерами. И как угораздило меня залететь в такое любопытное племя?

8. «Всех убить?»

Пленный дал мне поспать два часа. Потом завозился, засопел, начал плевать и, видимо, ругаться. На своём, понятно, хурском языке.

Пришлось включить фонарь, натянуть его на голову, а затем – и мыслеприёмник на голову пленного.

Он, понятно, сопротивлялся, как мог, мотал головой, корчился, извивался, но руки и ноги его были связаны, и я довёл дело до конца. И тут же предупредил:

– Не снимай эту дугу с головы. Перестанешь меня понимать.

– А зачем мне понимать тебя? – нагло спросил он.

– Чтобы жить. Не будешь понимать – умрёшь.

– Всё равно вы меня сожрёте, – вполне философски заметил пленник.

– Будешь послушным – не сожрём, – пообещал я. – Отпустим. Но сначала поговорим.

– Даже мои предки так не издевались, – признался он. – Жарили пленников сразу.

– Почему ты решил, что мы тебя съедим? – спросил я.

– А зачем ещё брать в плен мужчин?

Мне показалось, что ответ его не лишён логики. Он шёл сюда за женщинами, и это ему понятно. И, значит, мужчин уводить в плен не собирался. А, следовательно, не собирался

их есть. Уже хорошо!

О том, что мужчин уводят в плен ради рабства, он, видимо, не знал. Тоже прекрасно!

Я посадил пленника спиной к стенке палатки и, прежде, чем развязать руки, решил дать воды. Положено дать воды после слипа. И по медицинским соображениям и по гуманитарным.

Уже когда я зачерпнул воду стаканчиком и поднёс к его рту, в палатку вбежала Лу-у.

– У тебя свет, – сказала она. – Я пришла.

Увидав, что я делаю, она ужаснулась.

– Это же хур! – закричала она. – Зачем ты даёшь ему стакан?

Видимо, стакан казался ей величайшей ценностью.

– Чтобы он заговорил, – объяснил я. – Ему надо промочить горло.

– Ему надо проткнуть горло! – жёстко уточнила Лу-у. – Копьём!

В глазах пленника промелькнул ужас. Он же теперь всё понимал! Мыслеприёмники работали.

– Не бойся! – успокоил его я. – Если будешь слушаться, тебя не убьют.

От воды он, однако, отвернулся, демонстративно.

Я поставил стаканчик рядом с ним на землю и снова предупредил:

– Сейчас развяжу тебе руки. Захочешь пить – пей! – И

показал на стакан. – Но не вставай. Встанешь – убью!

Он обвёл воспалёнными маленькими глазками палатку, как бы отыскивая оружие. Чем, мол, тут можно убить? Ни палицы, ни копья, ни камня порядочного... Лишь на поблёскивающем тёмно-зелёном куске слюдита задержался его взгляд. И презрительная усмешка перекосила скуластое, нездорового землистого цвета лицо. Видимо, он подумал, что этим камешком с детский кулачок его не убить. А больше ничего подходящего не видно.

Лиану на его руках я легко перерезал охотничьим ножом. И вот нож явно заинтересовал пленника. Он внимательно проследил, как опустил я его в ножны на поясе. Это был первый отчётливо заинтересованный взгляд моего невольного гостя.

Я включил камеру, и на плёнку пошла запись того, как разминал он затёкшие руки, как оглаживал сильные плечи, как устраивался поудобнее спиной к стенке палатки. В конце концов так и прилип к ней, поставив руки позади и вытянув вперёд, прямо под объектив, связанные мускулистые и грязные ноги.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Вук, – неохотно ответил он.

– Что означает твоё имя?

– Мохнатый зверь.

– У тебя есть жена, дети?

– Наверно, есть дети. – Он усмехнулся. – Жёны у нас об-

щие. И дети – тоже.

«Групповой брак! – подумал я. – По Моргану – низшая стадия дикости. Может, это ещё и не племя, а стая?»

– Зачем вы шли к купам?

– Они знают. За женщинами.

– Вам не хватает женщин?

– Они умирают раньше мужчин. Вот и не хватает.

– А почему они умирают раньше?

– Не знаем! – Вук усмехнулся. – Боги знают. Колдун говорит: раньше умирает тот, кто достоин смерти.

Последние слова пленника полоснули меня как ножом. Они почти дословно повторили вошедшее в историю изречение одного из российских политиков самого конца двадцатого века. «Что ж, – сказал он публично и спокойно, – погибает тот, кто достоин смерти».

Он имел в виду, правда, не людей, а заводы и фабрики, которые, по его мнению, делали что-то не то или не так. Но за ними стояли люди, которых обрёл он на великую безработицу.

Он был внуком сразу двух прекрасных, безупречных писателей, но в историю вошёл как великий разоритель российской экономики и виновник гибели бесчисленного количества людей. Прежде всего – стариков, у которых отнял необходимые лекарства, достойную пенсию и возможность зарабатывать на жизнь. Миллионы детей он сделал беспризорниками, тысячи жуликов – миллионерами.

Так вот, оказывается, кто товарищ тому давнему политику по уровню мышления – колдун бывших людоедов!

Позже, в двадцать первом веке, эти зловещие слова потомка двух писателей периодически возникали в самом различном исполнении на его роскошном кладбищенском надгробии. Единственный в российской истории случай долгого народного злопамятства...

...– Почему вы живёте в пещерах? – спросил я Вука. – А не в хижинах, как купы?

– В наших пещерах тепло, – ответил пленник. – А в хижинах у нас замёрзнешь.

Лицо его становилось напряжённым. Что-то он там, похоже, нащупывал за спиной. Но что там, у голой стены, нащупаешь? Может, какое-то насекомое его кусало?

Он заметил мой интерес не к словам, а к движениям, сейчас же вынул одну руку из-за спины, протянул к стаканчику и очень грамотно, неторопливо, отпил из него воды. Будто всю жизнь пил из стаканов.

И долго потом держал стаканчик в руке, отхлёбывая по глоточку. Явно получал удовольствие. Я и не заметил, как поставил он пустой стакан на место и убрал руку за спину.

– Скажи, Вук, – продолжал я, – хуров больше, чем купов, или меньше?

– Мы не хуры, – мрачно возразил он. – Это купы называют нас «хуры» – «нелюди». А мы называем себя урумту – люди пещер. Когда-то мы были урумку – люди лесов. И жили в

этих местах.

– Сколько вас?

– Много! – гордо ответил он. – Сколько купов, и ещё столько, и ещё больше. В пещерах свободно. Нас будет ещё больше. Мы тут сильнее всех.

– Почему вы ушли из лесов в пещеры?

– Нас прогнали. – Вук опустил голову.

– Кто?

– Злые боги.

– У них есть имена?

– Нур-Нур главный. Он бросался огнями с неба. Его слушались громы и молнии. Он был страшен и не знал жалости.

«Прямо Зевс-громовержец, – подумал я. – Так вот отчего они кричали «Нур-Нур!»... Только почему всё в прошедшем времени?»

– Где он живёт? – спросил я.

Пренебрежительная усмешка пробежала по лицу Вука. Немного, в его мнении, стоял человек, не знавший Нур-Нура. Однако пленник решил снизить до ответа:

– Когда-то он жил за рекой купов. Где сейчас айкупы. Потом ушёл на небо.

– За что он прогнал вас?

Вук помрачнел, опустил взгляд, задумался. Похоже, не хотел отвечать.

– Отвечай! – потребовал я. – Хочешь жить – отвечай!

Он поднял на меня маленькие глубоко посаженные тём-

ные глазки. Ничего, кроме лютой ненависти, не увидел я в них.

– Это давно было, – тихо, как бы выдавливая из себя слова, произнёс он. – Столько разливов прошло – сосчитать невозможно. Но урумту всё помнят. Получилось, как сказал Нур-Нур... Он пришёл в наше племя после неудачной охоты. У нас не было тогда луков и стрел. Много было неудачных охот. Голодное племя ело двух своих стариков.

Вук слегка подвигался, поудобнее упёрся руками в основание палатки. Искоса я взглянул на Лу-у. Она напряжённо, зло смотрела на пленного. Остренький подбородок её выдался вперёд. Надбровные дуги чуть опустились. Маленькая тёмная рука её лежала на тюке с подарками как раз возле тёмно-зелёного куска слюдита.

– ...Нур-Нур разозлился, – продолжал пленник. – Когда Нур-Нур злился, из ног у него вырастали огненные деревья. Он обрушил на урумту все громы и молнии, бросил на хижину все огни неба. Урумту бежали от своих хижин в холод. Нур-Нур гнал их ночью и днём. Он прогнал наше племя за большие озёра и сказал: «Живите здесь, в пещерах. У вас не будет стариков. Вы не будете есть людей. Вернётесь в тёплые леса – убью всех!»

Вук остановился, глубоко вздохнул, поглядел прямо в зрачок тихо щебечущей съёмочной камеры, потом перевёл взгляд на опустевший стаканчик возле себя. Подумалось, что хорошо бы снова наполнить его. Но не сейчас, когда у плен-

ника развязаны руки. Попозже.

– Продолжай! – снова потребовал я. – Что было потом?

– Всё как сказал Нур-Нур, – спокойно повторил Вук. – В пещерах текла горячая вода, и было тепло. Люди стали там жить. Старики умерли. Больше стариков не стало. Урумту не едят людей и умирают молодыми. Женщины умирают раньше мужчин. Забираем женщин в других...

Он не договорил. Чем-то тяжёлым метнула в меня его рука, и я едва успел отклонить голову. Продолговатый предмет просвистел возле виска. Сзади раздался глухой удар в стенку палатки, затем металлический звон, металл ударил по металлу.

Вук тем временем мгновенно передвинул свой зад и снова опёрся руками в основание стенки. Глазки его метались из стороны в сторону.

И тут же в лоб ему врезался кусок слюдиты, упал к его ногам, а на лбу отчётливо проступила и стала наливаться, набухать капелька крови.

Это Лу-у вступилась за меня.

Первая мысль была: «Кровь! Быстрее надо взять анализ. Пока кровь не запеклась!»

Вторая мысль была: «Что же он метнул? Дюралевый колышек от палатки? Здесь забивали их Тор и Сар. Значит, не вогнали по шляпку?»

Третья мысль была: «Сейчас он выдёргивает второй колышек. Вдруг не увернусь? ЭМЗ не включён... И анализ крови

при его развязанных руках не взять...»

Левая моя ладонь ещё держала щебечущую съёмочную камеру.

А правая уже нащупала за поясом гладкий уголок слипа. Мысли и действия отмерялись, наверное, даже не секундами, а их долями.

Похоже, не миновать!

Я направил на бедного Вука слип, нажал курок и увидел предсмертный ужас в его глазах. Он успел понять: что-то страшное и неумолимое наваливается на него по моей воле. И тут же съехал по стенке палатки на матрасик, руки его непроизвольно выползли из-за спины. В правой был зажат выдернутый из земли второй колышек палатки.

Не до конца забили...

Ещё бы секунда – и сознание мог потерять я. А за ним – не исключено! – и жизнь.

Где-то тут блестящий холодильничек среди набросанных в баулы вещей?

Минута ушла на поиски. Кровь не успела остановиться, и анализ па стёклышки я снял дважды – на всякий случай. Тут же запечатал стёклышки обратно в холодильник. А потом залепил ранку на лбу пленника стептимиоловым пластырем. Пока проспится, ранка затянется.

Лу-у следила за мной быстрыми испуганными глазами. Зрачки её метались из стороны в сторону. Того, что я делал – да ещё так стремительно! – она, естественно, не понимала.

Может, это казалось ей колдовством. А может, она думала, что я стану пить его кровь?

Затем, уже неторопливо, я разжал пальцы спящего, вынул колышек, показал его Лу-у и вбил каблуком обратно в гнездо. Потом нашёл второй колышек, упавший точно на шляпку своего собрата по другую сторону палатки, и его тоже вернул на место.

И, разумеется, пришлось снова связать руки пленника. Уже, правда, не лианой, а шнуром от парашютных строп.

Теперь хорошо бы сбегать в соседнюю – уже Торову! – палатку, взять геологический молоток да пройтись по всему кругу, забивая колышки по шляпку. Чтоб уже никто не выдернул... Но ведь звону будет!.. А купы давно спят...

Ладно! До утра потерпит.

– Ты, наконец, убьёшь его? – спросила Лу-у. – Он заслужил.

– Не убью! – ответил я. – Проснётся – закончим разговор. Потом отпущу.

– Я бы убила, – призналась Лу-у.

– Надо, чтоб он унёс в своё племя приказ: не приходите больше сюда!

– Они тебя не послушаются.

– Заставлю!

– Ты можешь наказать всё племя?

Милая Лу-у! Не видела она, как драпали по лесу ненавистные ей хуры!.. Не успели, видимо, поведать ей об этом

ни отец, ни другие воины. Разговоры у них ещё впереди. Да, по сути, и не видели они этого панического бегства. Увидели только результаты.

– Сыны неба могут всё! – ответил я. – Для нас нет невозможного. Но мы не любим наказывать.

– Ты их жалеешь?

– Они несчастны.

– Не мы виноваты в их несчастьях, – резонно заметила Лу-у.

– Они этого не понимают.

– Зачем жалеть таких глупых? Их надо убить! Всех!

– Всех? – удивился я. – Там же есть женщины из вашего племени,

– Не только из нашего... – Лу-у явно растерялась. – Там есть женщины из племени айкупов, из племени ту-пу...

– И всех их убить? – повторил я. Лу-у молчала. Думала...

9. Разрядка для племени

Опять сверхсрочное дело – сообщить, что взят первый анализ. И вовсе не у тех, кто ближе. Как раз у дальних, агрессивных, труднодоступных. Самый неожиданный и нелёгкий анализ.

Ночь вообще-то. Спят они там? Не спят?

Впрочем, в Совете обещали, что поначалу ждут моих сообщений в любое время. И если что...

Придётся, похоже, разговаривать при Лу-у. Не выгонять же. Ничего – пусть привыкает!

Нажимаю кнопку на груди. Густой баритон Омара Кемалея звучит приглушённо:

– Город слушает.

– Это Тарасов.

– Здоров? – Явно обрадованный тон. – Как там твой Аустерлиц?

– Взят один пленный. А у него взят анализ крови. Это племя называет себя урумту, люди пещер. Живёт, похоже, под северным плато. Бывшие каннибалы. Другой такой анализ может попасться очень нескоро.

– В холодильник упрятал?

– Само собой.

– Значит, двое суток терпит. – Омар вздыхает с облегчением. – Не хочется никого будить. К девяти сообщу Марии

Челидзе. В полдесятого вызовешь нас? Розита будет дежурить.

– Вызову. Спокойной ночи!

Тихий щелчок. И тут же вопрос Лу-у:

– С кем ты сейчас говорил?

– С другим сыном неба.

– Где он?

– Очень далеко.

– Он говорил так, будто рядом.

– Мы умеем говорить друг с другом по воздуху.

– У нас был колдун, – задумчиво, словно вспоминая, произносит Лу-у. – Он тоже говорил с богами по воздуху. Но их ответы слышал только он один. Мы не слышали.

– Где он сейчас?

– Ушёл к предкам. Он обещал нам прислать оттуда молодого колдуна. Может, это ты?

– Может, – соглашаюсь я. – Он мог там встретиться с сынами неба, а они послали меня.

– Ты научишь меня говорить по воздуху?

– Научу.

– Я отблагодарю тебя. Тун эм.

– Ты уже отблагодарила. – Я поднимаю с земли тёмно-зелёный кусок слюдиты, слегка подкидываю его на ладони и кладу на то место, с которого схватила его Лу-у. – Ты показала себя хорошим другом.

– Ты – тоже, – тихо отвечает она. – Так сказал Тор. – И тут

же поднимается. – Я пойду в свою хижину. Если буду тебе нужна – зажги свет.

Она уходит, я укладываюсь на второй матрасик рядом с Вуком, пристраиваю в ногах ранец и включаю суперЭМЗ. Теперь можно немного поспать.

* * *

Разбудили меня крики и плач детей, приглушённый шум голосов, перешлёп босых ног, довольно громкое пенье птиц. Потянуло дымком от близких костров. Сквозь неохотно улетающий сон, ворочаясь на матрасике, я понял, что женщины, дети и старики купов возвращаются в селение с острова. Видимо, движение людей и обеспокоило птиц. Вчера утром такого птичьего базара не было.

Рядом опять завозился, заругался и заплевался спросонья пленник. Спать ему предстояло часа два-три. Не знаю, как действует слип по второму разу подряд... Не случилось прецедентов... Разговор с ним остался недолгий. Главное – ясно. Днём он побежит к себе. Хорошо бы ещё как-то покормить его на дорожку...

Что ж, пора вставать. Сколько времени? Ого! В Городе как раз полдесятого. Это тут, на западе, только рассвело. А часы мои идут по-городскому. Часовой пояс земли купов пока неясен.

Услышав мой голос, Розита сразу взяла быка за рога:

– Как удалось тебе добыть анализ у людоеда?

– Они бывшие людоеды! – успокоил я собеседницу. – А пленник сам боится быть съеденным. С вертолётном что-нибудь выяснилось? Пеленгатор ставить?

– Подожди, Сандро. С юго-востока идёт по морю какая-то хмара. Штормовой ветер. Метеорологи не позволяют отправлять вертолёт. Но есть другой вариант. Днём я вылетаю в Нефть. Там создаётся радиостудия. Мог бы ты прилететь туда к вечеру на ранце? Обратный вертолёт сразу увёз бы твой анализ. К утру были бы результаты. Быстрее ничего не придумаешь. А утром ты вернёшься.

– Что ж... Возьму у здешнего вождя отпуск на сутки. Концерт-солянку вы подготовили?

– Готов. Когда передавать?

– Сейчас погляжу. Они вернулись в хижины. Костры разжигают. Самое время! Через несколько минут вызову. Конец?

– Подожди! Ещё вопросик. Мы знаем только одно имя – Тор. Какие ещё тебе известны?

– Воины Сар и Кыр. Дочка вождя Лу-у. А зачем?

– Вплетём их в концерт. Дочка хорошенькая?

– Не уродка.

– Стройная?

– Вполне.

– А как с интеллектом?

– Схватывает всё на лету. Она же дочка вождя!

– Ты только не спеши, Сандро!

– Розита, милая! – Я опешил. – Мы знакомы всего сутки.

– Иногда этого достаточно. – Розита вздохнула. – Ино-

гда...

И отключилась.

Воспользовавшись минутным передыхом, я выдавил в себя полтюбика витаминной пасты и выглянул из палатки. Селение выглядело таким же оживлённым, как вчера утром. Разгорались три костра. Оглушительно кричали птицы. К запаху дыма примешивался резкий запах поджаренной рыбы. Бегали от костра к костру и от хижины к хижине голые ребята и полуголые женщины. Старухи, сидя на корточках или на камнях, колдовали у огня. Седой старик с жидкой бородёнкой, сидя на земле возле большого валуна, отбивал наконечник – то ли для копья, то ли для стрелы. Бил на камне камнем по камню...

Белые купола парашютов стояли чуть-чуть выше остального селения. То, что надо! Достаточно вынести экран ко входу в палатку, и она сама станет прекрасным фоном, отрезет экран от леса.

Дело было двухминутное. Вынести экран, подключить видеозапись – чтоб осталась и у меня копия концерта. Они ведь наверняка запросят когда-нибудь повтор... Да ещё подыскать удобное местечко на свободном валуне...

Только дети и успели заметить мою суету и столпились вокруг, выставив вперёд животики. Остальные купы оглянуть-

ся не успели.

Я нажал кнопку на груди и сообщил Розите:

– Всё готово. Давай!

И позволил себе лишь половину полной громкости.

На экране быстро пробежали цветные полосы настройки, мелькнуло почему-то английское «End» – «конец», и застыла обычная наша местная заставка – панорама Города-кольца с параболическими антеннами спутниковой связи и вертолётными на просторной крыше.

А затем ожили динамики, и задушевный баритон Омара Кемалю произнёс:

– Ухр купум! Ухр Тор! Ухр Сар! Ухр Кыр!

И певучий контральто Розиты нежно добавил:

– Ухр Лу-у!

И все люди племени купов вначале застыли, а затем повернули головы к непонятному светящемуся экрану и незаметным динамикам по его бокам. Именно оттуда шли знакомые, понятные и необычно громкие слова.

Нежное адажио из «Лебединого озера» тихо поплыло над стоянкой дикого племени. В немом изумлении, ничего не понимая, но и не в силах шелохнуться, слушали небесную музыку полуголые люди в шкурах и видели на экране светлые небоскрёбы Нью-Йорка и древние храмы Греции, подсвеченную Эйфелеву башню в ночном Париже и утреннюю панораму Кремля, киевскую Софию и храм Христа Спасителя, мосты и каналы Венеции и Петербурга, морские набе-

режные Дубровника и Неаполя.

И под эту же музыку проплыла по сцене Большого театра молодая Майя Плисецкая, плавно взмахивая своими удивительными руками «без костей».

А потом запела Розита – давнюю нашу, вечную нашу песню, с которой улетали мы от родной Земли, с которой прилетели сюда: «Я вернусь через тысячу лет... Так хоть в чём-то оставь мне свой след!..»

Промелькнул по экрану самый модный на Земле нашей юности пианист Ричардс со своим знаменитым «Марсианским прибором». И голос Розиты пообещал:

– Мы к нему ещё вернёмся, Сандро...

Словно знала она то, чего ну никак не могла знать!.. Задолго до «Малахита», влюблёнными школьниками, в наш с Таней Праздник Первого снегопада, шли мы по родному уральскому городу и наблюдали над концертным залом бешеную пляску цветомузыки «Марсианского прибора». В тот вечер играл в нашем городе заезжий Ричардс...

В какой жизни это было?

В каком краю Галактики?

А на экране Омар Кемаль уже тешил мою славянскую душу «Очами чёрными, очами страстными, очами пылкими и прекрасными». Две трети романса, правда, шли на турецком языке, но купы этого не заметили.

Затем вологодская девчонка Аня Бахрам, жена моего друга Али, вышла с бессмертной зыкинской «Издалека долго те-

чёт река Волга...» На Рыбинском море, близ Волги, Анюта родилась, про Волгу пела... И сама Волга легко несла на экране медлительные теплоходы и стремительные «Метеоры».

Рядом со мною тихо присел на землю Тор. Возле него тут же остановился, прислонившись спиной к дереву, Сар. Уже не раз наблюдал я, как спокойно и достойно следует он за вождём. Будто охраняет от всяких неожиданностей. На шее Тора и Сара уже не было «зубастых» боевых украшений, а мирно болтались вчерашние красные ленточки...

В селении попадали языки костров. Никто не подкидывал в них сучья, не бил камнем по камню старик с редкой бородёнкой. Глаза его не отрывались от экрана. Судя по запаху, где-то сторела рыба...

Веером прошла Розита по лучшим певцам трёх веков – с тех пор, как только появилось на свете звуковое кино, – от Энрико Карузо и Фёдора Шаляпина до кумира нашей юности Евгении Недро. А потом решила показать ещё и массовость искусства у «сынов неба» – итальянский женский хор, весь в белом, с «Аве, Мария!» и пёстрый русский милицейский – с волшебной «Калинкой». Всегда почему-то мерещилось мне в этой песне некое волшебство...

Завершил эту часть концерта редкий исторический кадр: военный оркестр уходил после парада с Красной площади под «Прощание славянки». И невольно вспомнилось тут наше, чисто уральское:

...И марш «Прощание славянки»

Оркестр пронесит духовой.

А на платформах танки, танки –

Частица почты полевой...

Когда прощаются славянки,

Идут славяне в смертный бой!

Мой город! Его история, его судьба, его древний поэт Лев Сорокин...

Но нет их в этом концерте. Не уральцы составляли...

Мудрый Тор повернулся ко мне и спросил:

– Так живут сыны неба?

Всё понял! Не зря он тут вождь!

– Так, – ответил я.

– Купы хотели бы стать их друзьями.

– Сыны неба скрепляют дружбу кровью, – сообщил я.

– Для этого крови не жалко, – ответил Тор. – Сколько надо её пролить?

– Одну каплю.

– Так мало?

– Для дружбы – достаточно.

– Я готов.

– Сегодня мы это сделаем, – пообещал я.

Тор сжал моё плечо и повернулся к экрану. А там прекрасное лицо Розиты уже глядело нам глаза в глаза, самым

крупным планом, и необычно тихое, приглушённое её контральто предупреждало:

– Сейчас прямой эфир, Сандро! Слышишь? Прямой эфир!

И она запела свою песню – ту, которую впервые услышали мы с Бирутой в тёмном биолёте, мчащемся сквозь безлунную здешнюю ночь от Города к нашему межзвёздному кораблю на космодроме:

На планету,
Где нет зимы,
Где весной
Не журчат ручьи,
Где леса и луга –
Ничьи,
Навсегда прилетели мы.
Здесь не знали,
Не ждали нас,
Жизнь текла
В первобытной мгле, –
Как когда-то и на Земле,
Где я родилась.

Почему-то захотелось в эту минуту разыскать глазами Луну. Я повертел головой и обнаружил её сидящей на земле возле хижины и неотрывно, напряжённо глядящей на экран.

Над селением плыл голос Розиты:

Мы развеем ту мглу
Навсегда!
Мы зажжём над планетой
Свет!
Там, где нынче и зверя нет —
Вознесём города!
Будет радовать
Море огня.
Будет ждать племена
Уют...
Если прежде меня
Убьют,
Ты в туземке ищи
Меня...

Так вот почему предупредила она о прямом эфире! Вместо «племена» она пела раньше «дикарей», вместо «туземки» – «дикарку»... Отредактировала! На ходу! Вдруг что-то поймут?

Мыслеприёмники на них... Не обидеть бы!

Будет ласковым
Море огня,
Будет греть племена
Уют...
Ну, а если меня
Убьют,

Ты в туземке найди
Меня!

Удивительно! Биотоки от телевизора не идут. Мыслеприёмник не должен работать. И всё-таки что-то Лу-у поняла. Две слезинки поползли по её смуглым щекам. Знала бы сейчас Розита, как плачет дикарка от её песни!

А Розита уже «сменила пластинку»! Уже понеслась из динамиков лихая мелодия кубинской «байли». Уже выпрыгнул в поле зрения телекамеры, весь в чёрном, тоненький изящный геолог Эрнесто Нуньес. Уже зашевелила Розита перед отъехавшим телеобъективом своими бесчисленными, как показалось, блестящими юбками...

Когда плясали мы с нею давнюю «байлю» в космосе, – не юбки были на Розите, а зелёные форменные брюки. С юбками-то, оказывается, куда эффективней!

И вдруг поднялась со своего места Лу-у, развела в стороны руки, и схватились за её кисти две другие женщины, и за их разведённые руки ещё кто-то схватился... За минуту образовался перед телевизором женский круг, и пошёл колесом с криком «Ухр! Ухр! Ухр купум!»

Под руками женщин проскользнули голенькие ребятишки и образовали внутри круга своё крикливое «колесо». А затем неторопливо, будто неохотно, поднялись мужчины и окружили женское «колесо» своим, мужским, двигающимся в противоположном направлении.

«Байля» на экране была недолгой. Её сменили пейзажи Земли, а звучал теперь «Марсианский прибой» Ричардса – то плавный, то бешеный.

Но на полянке перед телевизором никто уже, кажется, кроме меня, не смотрел на экран. Племя увлечённо плясало под «Марсианский прибой», исполненный столетие назад на далёкой планете в окрестностях другого солнца.

10. «Куда пролить кровь?»

Договор о дружбе заключили мы с Тором быстро.

– Чего купы хотят от сынов неба? – спросил я.

– Защиты, – ответил Тор. – От хуров.

– Я слышал, есть поблизости племена ту-цу и айкупов. От них тоже надо защищать?

Тор рассмеялся.

– Айкупы – это наше племя, – объяснил он. – Мы были раньше одним племенем. Их много. Мы не воюем с ними. Мы дети лесов. Айкупы – дети тёплых лесов. Они живут за нашей рекой.

– А ту-цу?

– Это «пещерные крысы». Они пришли с заката и живут в крутых обрывах. Вверх по нашей реке. Ни на кого не нападают. Всех боятся. У нас хорошие соседи.

– Хуры тоже здесь жили?

– Не здесь, – возразил Тор. – Дальше к закату. Нур-Нур прогнал их в холод. От них никогда не было покоя. Ни раньше, ни теперь.

– Чего ещё хотят купы от сынов неба?

– Только защиты! Куда пролить кровь для этого?

Мы разговаривали у входа в мою палатку. Только что вернулся я в неё телетехнику. И жестом пригласил Тора войти.

Он вошёл осторожно, мелкими шажками, покосился на

похрапывающего у стенки пленника и остановился возле тюка с подарками.

Блестящий холодильник со стёклышками для анализов лежал поверх баула, достать из него двойные стёклышки и крошечные стерильные ланцеты было минутным делом. Я сорвал плёнку с одного ланцета, протёр себе палец спиртом, проколол, выдавил каплю крови на стёклышко, размазал её в круг и придавил вторым стёклышком. Затем наклеил на палец кусочек пластыря.

Тор внимательно следил за каждым моим движением, – Сын неба скрепил дружбу, – объяснил я. – Готовы ли купы пролить за это кровь?

Тор протянул ко мне руку ладонью кверху.

Я сорвал плёнку с другого ланцетика, протёр спиртом палец Тора не левой руке и протянул ланцет Тору.

Он понял, что должен сделать всё сам и рубанул себя по пальцу сильнее, чем надо. Кровь не пришлось выдавливать – сама пошла. Вождь нарисовал на стекле неровный круг, и я залепил его ранку пластырем. До вечера заживёт.

А я смогу сегодня же дать Городу вместо одного анализа – два.

Ещё бы закончить и плёнку допроса!

– Теперь, – сказал я Тору, – ты тоже сын неба. А я – тоже куп. Это скреплено нашей кровью. Сыны неба дарят тебе свой долгий огонь.

Из нарукавного кармашка я вынул зажигалку, чиркнул,

показал Тору язычок пламени и загасил его.

– Попробуй сам! – предложил я.

Не с первого, а с третьего раза, но научился он пользоваться зажигалкой. А поскольку в ней было отверстие для ношения в виде амулета (специально делали – для племени ра!), я показал Тору, как подвязать её к красной ленте на шее.

И лента эта обрела теперь не только украшательскую функцию.

Однако время бежало! Я взглянул на часы. Пробуждения пленника оставалось ждать уже недолго. Хорошо бы ещё и колышки в палатке забить до отлёта. Чтоб не сдуло её тут без меня ветерком.

Только вот молоток – у Тора. Идти за ним самому – уже как-то неудобно. Палатка та – теперь не моя. И вещь – не моя. Просить, чтобы Тор принёс? – Он всё-таки вождь...

А вот кхетом поинтересоваться – вроде удобно. Я ведь не завтракал.

– Можешь ты попросить Лу-у принести мне кхет? – спросил я у Тора. – Он приятен, но не знаю, где растёт.

– Лу-у принесёт кхет, – пообещал Тор и вышел. И унёс ланцет, которым проколол свой палец. Видел я, что он держит этот крошечный медицинский ножичек как великую ценность. Может, привяжет его к стреле вместо наконечника?

Быстренько запрятал я оба анализа крови в крошечный холодильничек и сунул его в ранец. Это уже в дорогу! Вбе-

жала Лу-у с двумя кхетами.

– Ты голоден? – озабоченно спросила она. – Тор сказал...

– Тун эм, – пообещал я, принимая у неё кхеты. – Ты хочешь помочь мне?

– Хочу! – Она явно обрадовалась,

– В соседней белой хижине много вёдер и много стаканов.

Это подарки купам от сынов неба. Раздай их кому хочешь.

А ко мне пусть придёт Сар. С молотком! Скажешь ему?

– Скажу! – пообещала она и убежала.

Я разыскал пакет с ложками и успел насладиться сладковатой кашницей кхета. Сар появился в проходе палатки с геологическим молотком и уточнил:

– Брат мой звал меня?

Я протянул ему использованный ланцет.

– Ты можешь сделать из этого стрелу?

Он осторожно принял крошечное лезвие на ладонь, понюхал его, перевернул и легонько провёл остриём по коже.

Лезвие выскользнуло на землю.

Сар неторопливо поднял его, снова положил на ладонь и, немного подумав, ответил:

– Такая стрела убьёт сразу. Если попадёшь в глаз.

– Возьми. Удачи тебе! А мне дай немного постучать молотком.

Я осторожно вынул из его руки геологический молоток и быстро пошёл по кругу вдоль застывшего купола, вгоняя кольца по шляпку одним сильным ударом. Последние удары

пришлись как раз возле пленника. Он вздрогнул и открыл глаза. Сна в них уже не было. Может, он давно не спал? Слушал наши разговоры? Мыслеприёмник-то на нём...

В глазах пленника металась, кричала мука. Сколько часов он тут со связанными руками и ногами? Представить жутко, как мучился бы я на его месте!

Но что же делать? Пожалеть и отпустить? Ему же хуже будет. Как и всему его племени. Опять пойдут на грабёж, прольётся кровь, будут убитые. Чтобы предотвратить это, нужна информация. Чем больше у нас будет информации, тем меньше у них прольётся крови. Только дьявол этот – давно покойный Нур-Нур – знал, наверное, почему они умирают молодыми и почему тепло в их северных пещерах. Может, там ещё и светло? Может, там стены светятся?.. Надо всё это выспросить! Со счётчиками Гейгера туда сейчас не сунешься... Вот и узелки у него под кожей – будто горошинки запряваны на щеках да на шее. Может, и селезёнка увеличена? Пощупать бы! Так ведь если лезть под его мохнатую шкуру, – ни Сар этого не поймёт, ни Вук, разумеется. Да и зачем? Анализ крови всё скажет – не сегодня, так завтра.

За две минуты добил я все колышки и вновь вложил геологический молоток в руку растерянного недоумевающего Сара. Может, ему показалось за это время, что я отобрал у него свой подарок?

Пленник очень заинтересованно проследил за молотком и перевёл взгляд на утонувшую в земле шляпку колышка пе-

ред своим носом. Должно быть, догадался, что теперь ему этот колышек голыми пальцами из земли не выдернуть.

Пора продолжать допрос. Время поджимало, вечером надо быть в Нефти, а Сар не уходил.

Пришлось порыться в разбросанных вещах и отыскать пакет с ножницами, иглками и нитками. Положив на ладонь крупную иглу, я протянул её Сару и спросил:

– А если это зажать в стрелу?

Глаза воина буквально метнулись от восторга.

– Что это? – тихо и восхищённо спросил он.

– Иг-ла.

– Иг-ла, – повторил он. – Я могу взять?

– Возьми. Сделай стрелу.

– Тун эм, – пообещал Сар и ушёл, зажав в пальцах иглку и ланцет.

Пленник проводил его взглядом, в котором отчётливо читалось желание догнать и отобрать.

Теперь можно продолжить допрос.

11. Нур-Нур научил...

– Пить хочешь? – спросил я Вука.

– Хочу, – ответил он и сплюнул.

– Сейчас я дам воды, развяжу тебе ноги, и ты сядешь. Но если попробуешь встать, снова опущу тебя в сон. Ты понял, что я это могу?

– Понял, – согласился он. – Ты колдун.

Я осторожно налил воду из ведра в стакан. Не хотелось опускать его в ведро, так как Вук из этого стакана уже пил, а другого под рукой не было. Другие в тюке.

Налив воду, я перерезал лианы на ногах пленника. Со стоном Вук вытянул ноги, повертел ступнями и медленно сел. Руки его были связаны парашютными стропами. Резать их рано.

Поить его пришлось из своих рук, как маленького. Он пил неторопливо, медленно, явно смакуя воду, и, возможно, думал, каким бы финтом немедленно вырваться на свободу.

Однако, похоже, ничего не придумал. Просто напился. И отвернул голову. А я включил съёмочную камеру.

– Теперь отвечай мне, – приказал я, – Когда ответишь, отпущу тебя. Дам на дорогу кхет. Ты знаешь, что такое кхет?

– Знаю.

– Когда пойдёшь по лесу, смотри под ноги. Найдёшь копыя, луки, стрелы и палицы своих братьев. У тебя будет мно-

го оружия. Сможешь убить любого зверя. Я дам тебе с собой огонь, чтоб развести костёр.

– Оружие не валяется в лесу, – заметил Вук и усмехнулся.

– Твои братья побросали его. Когда убежали.

Вук снова недоверчиво усмехнулся. Но спорить не стал. Может, начал понимать, что человеку со связанными руками не стоит спорить?

– Скажи, Вук, в ваших пещерах светло? Стены светятся?

– Где светло, где темно, – ответил он. – Есть светлые стены. У нас много разных пещер.

– Вы живёте там, где светлые стены?

– Нет.

– Почему?

– Там уходят силы. Света хватает и от костров. Нур-Нур научил нас добывать огонь из камня. Мы можем разжечь костёр где угодно. В самой тёмной пещере.

Он произнёс это не без гордости. Значит, видел и такие племена, где этого не умеют.

– Выходит, Нур-Нур не только прогнал вас, но и чему-то учил? Чему ещё?

– Делать луки и стрелы. Собирать яйца птиц на озёрах. Печь их в золе костров. Ставить ловушки для птиц.

– А ловить рыбу?

– Это мы и раньше умели. Копьём. Нур-Нур научил плести сети.

– Он жил один?

– Говорят, у него была жена – Уйка. Был сын – Нуп-Нуп. Они исчезли, когда Нур-Нур ушёл к предкам.

– Какие боги охраняют ваше племя?

– Бог тёплой воды, Руум. – Тут Вук улыбнулся – впервые с тех пор, как попал в мою палатку. Видимо, с этим богом были у него связаны приятные воспоминания. – Есть бог огня – Дуул. Есть бог озёр – Воол. Все они охраняют наше племя.

– Как они вас охраняют?

– Воол не пропустит врагов через озёра. Враги потонут. – Пленник усмехнулся снисходительно. – Дуул заслонит огнём все входы в пещеры. Если кто прорвётся, Руум утопит его в пещерных озёрах. У нас там много озёр. Чужак не пройдёт.

– А кто-нибудь пытался?

– Все, кто хотел вернуть своих женщин, погибли! – Вук снова произнёс это с гордостью.

– Купы пытались?

– Купы трусливы! – Вук опять усмехнулся. – Купов мало. Пытались айкупы. Многих мы убили. Остальные ушли ни с чем.

– Какие жертвы вы приносите богам?

– Воол любит сердце мохнатых зверей, Дуул любит рыбу, Руум любит красивые камни. Вот такие... – Ногой пленник попытался показать на кусок тёмно-зелёного слюдита, который совсем недавно Лу-у швырнула ему в голову. – Красивые камни мы приносим к горячей воде.

– Возле ваших пещер живут другие племена?

– Нет.

– Ваши дети рождаются здоровыми?

– Не всегда. Уродов мы приносил в жертву Дуулу,

– Ваше племя растёт?

Вук задумался. Потом неохотно признался:

– Нет. Не хватает женщин.

– А кто ваш вождь?

Пленник, не отвечая, опустил глаза.

– Ты понял меня?

– Понял.

– Кто ваш вождь?

Пленник смотрел в землю.

– Отвечай!

– Не знаю.

Он поднял на меня взгляд. Опять ничего, кроме ненависти, в нём не было.

– Не бойся, я не сделаю вашему вождю зла. Но хочу поговорить с ним.

– Лучше убей меня! – неожиданно предложил Вук.

Подумалось, что тут надо отступить мне. Ещё в «Малахите» нам говорили, что в некоторых племенах назвать имя вождя равносильно предательству. Неужто подфартило отыскать такое племя на другой планете?

Ну, что ж... Вопросы иссякают...

– Ваше племя держит в пещерах зверей? Или птиц?

– Зачем? – Вук искренне удивился. Вздох облегчения вы-

рвался у него. Видно, понял, что имя вождя выпытывать больше не станут. – Видим зверя – убиваем. Не удаётся убить – ловим птицу. Зачем держать их в пещерах?

Меня, собственно, интересовали собаки. Но, ежели нет ничего, ещё лучше. Будущее общение упростится.

Итак, всё?

– Запомни, Вук! – приказал я. – Если урумту ещё придут сюда за женщинами – все погибнут. Никто не вернётся домой. Скажи это вождю и всему племени. Купов будут защищать сыны неба. Они не слабее Нур-Нура.

Пленник молчал. Только глядел исподлобья.

Я выключил съёмочную камеру, достал из нарукавного кармашка зажигалку и показал Вуку.

– Сейчас научу тебя добывать огонь из пальцев. Смотри! – Чиркнул, зажёл и задул огонёк. – По дороге научишься. Понял?

– Ты колдун! – убеждённо повторил Вук.

– Учись! Тоже колдуном станешь.

Зажигалку я вложил в пальцы его связанных рук. Пальцы зажали её намертво. Затем я перерезал парашютные стропы и тут же вложил в его руки кхет.

– Вставай! Иди! – скомандовал я. – Ты свободен. Сейчас ты перестанешь понимать меня.

И я сдёрнул мыслеприёмник с его головы.

Ещё не веря свободе, он сидел и скованными движениями разминал плечи. Потом, не сводя с меня насторожённого

взгляда, начал подниматься. Ни зажигалку, ни кхет из рук не выпускал. Значит, они имели для него какую-то ценность.

Выход из палатки был открыт. Глаза Вука метались от этого выхода ко мне, от меня – к выходу. Возможно, он боялся, что снаружи его сразу схватят купы. Возможно, допускал, что в спину ему ударю я. Преодолеть этот страх ему предстояло самому. Не мог я выйти из палатки раньше него.

Он двигался к выходу как в замедленной киносъёмке, крошечными шажками, боком, прижимаясь к стенке парашютного купола. Он выходил наружу тоже боком, а выйдя, – тут же прижался к палатке спиной.

Никто не бросил в него копьё, никто не пустил стрелу. Хотя многие заметили, что он вышел. Я уже стоял рядом и старался охватить взглядом всё пространство вокруг. Люди видели, что в руках пленника кхет – и никакого оружия. Люди понимали, что он безопасен.

Однако Тор, стоявший в проходе своей новой палатки, увидев пленника, нагнулся, и в руке его оказался геологический молоток. Видимо, приготовленный, лежал у входа... И Сар, мастеривший возле костра стрелу, увидев пленника, поднялся, и в руке его появилось копьё, да и Кыр, помогавший седому старику отбивать камни на валуне, тоже поднялся, и тоже с копьём.

Но дальше этого дело не пошло.

– Беги! – Я слегка подтолкнул Вука. – Не бойся!

Он уже не мог понять моих слов, но наверняка понял же-

сты. И медленно, шаг за шагом, стал пятиться от палатки в лес. Лицом к селению, спиной к деревьям. И лишь добравшись до них, резко повернулся и припустил бегом.

Я снова осмотрелся. Тор исчез в палатке. Сар вернулся к костру – доделывать стрелы с ланцетом и иголкой. Кыр вместе со стариком склонился над обломками кремня. Они выделывали наконечники для копий и стрел, которые я собирался совсем скоро заменить стальными. Для начала...

12. Взять отпуск у вождя...

Теперь и мне пора! Но хорошо бы доложиться Тору – чтоб не думал худого. В общем, взять отпуск у вождя... И надо ещё заглянуть перед дорожкой в вертолёт...

Я нырнул в свою палатку, изъясил из съёмочной камеры использованную кассету, сунул в нарукавный кармашек вместо подаренных зажигалок, уложил в ранец изумруды и слюдит, втиснул за ремешок клапана на ранце свёрнутую жгутом шерстяную рубашку, поискал взглядом, чем бы прикрыть ведро с водой, и не нашёл ничего плоского, отбросил ко входу разрезанные лианы и парашютные стропы – недавние узы пленника. Позже унесу их в лес. Сейчас некогда.

Пожалуй, всё?

А теперь – ранец на плечо, и размотать рулончик с клейкой плёнкой – запечатать вход. Авось, не тронут ничего, как вчера.?

Впрочем, если и тронут – оберну всё шуткой. Хотя для шуток хорошо бы знать язык...

Чтобы проститься с Тором, я заглянул в его палатку. Вождь сидел на земле и перебирал разноцветные ленты. Они размотались, разошлись по всей середине палатки, и я не был уверен, что Тор сумеет смотать их. Но, может, это ему и не понадобится? Перепилит их кремнёвым ножом на куски и раздаст... И завтра, небось, всё племя, надевает себе «гал-

стуков»?..

– Все сыны неба должны узнать о нашей дружбе, Тор! – как можно торжественнее произнёс я. – Всем надо показать нашу общую кровь. Всем надо рассказать о храбром племени купов. Я уйду к ним сегодня и вернусь завтра.

– Ты слышишь, как кричат птицы? – вдруг спросил Тор, и глаза его хитровато прищурились.

Птицы, на самом деле, орали оглушительно. С самого утра. И птичий: грай, по-моему, всё усиливался.

– Слышу, – согласился я.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Нет, – признался я.

– А наш колдун понимал, – укорил меня Тор.

– Я ещё не совсем колдун.

– Ты молод. – Тор пожалел меня. – Научись. Наш колдун был самый старый в племени. Он родился ещё у айкупов. Когда ты станешь такой же старый, будешь знать больше него.

– Если ты поможешь...

– Помогу! – Тор улыбнулся. – Птицы кричат о разливе. Они слетелись в наш лес с поймы ручья и реки. Ветер дует с тепла. Значит, скоро разлив. Ты вернёшься и не узнаешь наших мест.

– Я отблагодарю тебя, Тор, – пообещал я. – Теперь ваши места узнаю. Кривой ручей станет рекой. Река станет озером. Так?

– Кривой ручей станет озером, – поправил меня Тор, – На восход от нас тоже будет озеро. Мы будем жить среди воды.

– Долго?

– Никто не знает. Бывает по-разному. Только колдун знал.

– У меня есть просьбы, Тор.

– Говори.

– Когда уйду,ними эту дугу. – Я приподнял над головой пружинящий полуобруч мыслеприёмника. – И сохрани её. Когда вернусь, нам снова надо будет говорить. Пусть Сар и Лу-у сделают то же самое. Передашь?

– Передам, – отозвался Тор.

– Сыны неба пришлют купам целую хижину подарков. Она будет стоять в лесу. Пусть купы не разводят рядом с нею костры. От огня все подарки уйдут в небо. И купам ничего не достанется. Когда вернусь, открою хижину и отдам подарки.

– Мы отблагодарим тебя, – пообещал Тор. – У сынов неба хорошие подарки, никто ещё нам таких не дарил.

– А какие дарили?

– Мясо, рыбу, шкуры. Если наша девушка выбирала мужем айкупа... Он это приносил... Мне приносили стрелы, копья. Но я сам их делаю. А то, что дал ты, я сделать не могу.

– А ваши девушки не выбирали в мужья кого-нибудь из ту-пу?

Тор рассмеялся,

– Кто захочет идти в это трусливое племя? Кто захочет жить в сырых пещерах? У нас нет таких девушек.

– Вождя ту-пу ты знаешь?

– Знаю. – Тор вздохнул. – Он всего боится.

– Как его зовут?

– Уйлу. Это значит «белая рыба».

– А что значит твоё имя?

– Твёрдый.

– Девушки айкупов выбирают в мужья твоих охотников?

– Редко. – Тор произнёс это с явной печалью. – Они наших не видят. Хотя наши не хуже.

– Почему не видят?

– Мы не охотимся в лесах айкупов. У нас много зверя. Айкупы охотятся у нас. Поэтому бывают в нашем селении. И наши девушки их видят.

– Вместе вы охотитесь?

– Да! – Довольная улыбка раздвинула толстые губы вождя. – Когда увидим стадо ломов. Чтобы убить одного лома, надо много охотников. Его мяса хватает на всех. И купы и айкупы бывают сыты. Даже ту-пу мы иногда зовём на такую охоту.

– Ухр купум! – Пора было прощаться. Информации я нагрёб достаточно. Случайный разговор не должен превращаться в допрос. – Пусть встретится вам стадо ломов!

– Ухр Сан! – пожелал мне на прощанье Тор. – Зверя сейчас будет много. Все сбегутся от разлива в наш лес.

Я вышел наружу и включил движок. И уже поднимаясь вверх, увидел, как на звук его выскочила из своей хижины

Лу-у, рванула к моей палатке, но тут же увидела заклеенный вход и меня, поднимающегося вверх, И остановилась, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрела мне вслед. И стояла так, пока лес не заслонил её.

13. Безлюдный гостиничный сервис

В вертолёте было тихо и прохладно. Прямые лучи полуденного солнца задержались на нём недолго и не успели раскалить металл. А от косых лучей заслоняла его со всех сторон высокая круговая стена леса.

Здесь наконец-то смог я стянуть с себя не раз пропотевшую рубашку и спокойно помыться до пояса минеральной водой из пластмассовых бутылочек. Здесь смог я распечатать банки с тушёнкой и хлебом и досыта, по-человечески, поесть. Сутки уже питался только кхетами и витаминной пастой...

После этого оставалось лишь сменить аккумулятор ранца да известить Город, что вылетаю.

Разговор получился короткий.

– Розита уже в пути, – сообщил Омар. – Ищи её или в клубе или в гостинице. Нефть невелика...

Что она невелика, я знал и раньше. Десятки раз бывал там с бригадой киберремонтников.

Когда я поднялся над лесом, впереди, на севере, было безоблачное голубое небо. А позади, на юге, стояла сплошная стена плотных серо-лиловых туч. Просветов в ней я не заметил. Только верхний слой сиял под солнцем ослепительной белизной – как далёкие, под вечными снегами, горные цепи.

И сколько ни шёл я в этот день на север, стена туч на юге

не отставала. Отдалилась она лишь тогда, когда я повернул к проливу Фуке и увидел далеко на востоке выплывающие из тумана снежные пики Северных гор на нашем материке.

По пути искал я в лесах бегущего к родным пещерам Вука, но не увидел его. Густая сень лесов надёжно его скрыла. Зато обогнал я бредущих через громадную каменистую пустошь безоружных его соплеменников. Лишь несколько сухих корявых сучьев были в их руках. Подобрали по дороге... Другого оружия не имелось.

Что-то общее померещилось мне в судьбе их племени и племени ра на нашем материке, в которое ушёл Марат Амиров, И то и другое племя испытало в далёком прошлом массовое насилие. И то и другое племя стало со временем бичом для окружающих. Потому что массовое насилие не проходит бесследно. Оно остаётся в массовом сознании чертами озлобленности, почти неискоренимой обиды на весь окружающий мир. Правых и виноватых массовое сознание первобытного племени различить не способно. Для него виноваты почти все, кто вокруг.

Подлетая к полосе озёр, я ощутил холодное дуновение севера. Пришлось спуститься на полянку в лесу и натянуть на тело нижнюю шерстяную рубашку, которая болталась в клапане ранца. Без неё продолжать путь рискованно.

Посёлок Нефть встретил меня безлунной здешней темнотой, светящимися окнами и почти деревенской тишиной. В знакомой гостинице неторопливо поворачивающийся куб

кибера-портъе сообщил, что меня ждёт номер восемь на втором этаже, что Розита Верхова занимает номер семь и сейчас находится в клубе, что анализы крови я должен положить в ящик со своим номерам. Сейчас же сигнал будет дан на вертолётную площадку, оттуда прибудет кто-то на биолёте, заберёт анализы и увезёт в Город. Вертолёт ждал только меня.

Я взял со столика листок белой плёнки и написал, что анализов четыре. Два принадлежат Вуку из пещерного племени урумту, один – Тору из лесного племени купов и один – Тарасову из непутёвого племени землян. Затем завернул в листок блестящий холодильничек и сунул в ящичек номер восемь. Где-то что-то щёлкнуло – сигнал пошёл.

В это время засветился экран возле кибера-портъе, я увидел улыбающееся лицо Розиты и услышал её чудесный контральто:

- Говорят, ты прилетел, Сандро?
- Кто говорит?
- Все!
- Ты заказала меня киберу-портъе?
- Не могла же я упустить такое событие!

Экран как бы отъехал подальше, и я увидел группу ребят в креслах возле низенького стола, заваленного бумагами. Должно быть, это и есть будущая местная радиостудия. Все глядели на меня, лица расплывчатые, не сфокусированные. Одно из них, женское, узкоглазое, удивительно нежное, показалось мне знакомым. Наверное, топограф Сумико, кото-

рая терпеливо лечила меня после взрыва на буровой. А может, и не она... Просто кто-то похожий... Плывут черты лица... Что у них тут с техникой?

– Розита, – доложил я, – Тут не один анализ, а три. И мой между ними. Так уж получилось... Есть ещё плёнка допроса. Пока без перевода. Её тоже отправить?

– Ни в коем случае! – Розита просто закричала. – Я посмотрю её сама. И сама увезу. Она же не протухнет!

– Зачем тебе?

– Мне ещё интервью с тобой делать.

– Что?

– Интервью. Ты наконец-то заслужил внимание прессы.

– Вот уж не стремился...

– Слушай, Сандро! – устало произнесла Розита, – Чего ты сейчас больше всего хочешь?

– Помыться и спать.

– Я надеялась, ты скажешь: «Ужинать».

– Готов потерпеть до завтрака. Смертельно устал.

– Хорошо, я согласна. Завтракаем вместе.

Розита холодно, официально улыбнулась, и отключилась.

Я заказал у портъё аккумулятор на обратную дорогу, смену тёплого белья и дорожный костюм своего размера. Тот, что на мне, предстояло отправить в обработку, Трудолюбивые киберы вычистят его, починят и отгладят. И где-нибудь он будет ждать меня. В крайнем случае – в каюте на корабле.

Однако не успел я набрать необходимую цифирь на пуль-

те, как на экран выползло сообщение: «Два ваших дорожных костюма ждут вас в боксе 49 на втором этаже».

А я и забыл про них!

Это в прежние визиты в Нефть, ещё киберремонтником, менял я тут одежду. И старая меня дождалась!

Когда-то на Земле, в «Малахите» на лекциях по основам экономики внушали нам, что для изобилия и богатства нужно не только много всего производить, но и бережно относиться к уже произведённому, беречь труд и сырьё, вложенные в готовые вещи, использовать их на максимальный ресурс. И в качестве трагического примера приводили лекторы Россию в последнем десятилетии двадцатого века, когда обезумевшая, вышедшая из-под народного контроля власть великой страны буквально истребляла и разбрасывала по всему миру её богатства, накопленные за предыдущие десятилетия.

Долго потом несчастная Россия не могла оправиться от невиданного разорения.

На Рите подобное невозможно. Предельная бережливость с самого начала была тут одним из главных принципов жизни. А особенно теперь, когда на землянах висят племена гезов и ра, да ещё предстоит заботиться о купах и урумту. Расточительному обществу такое не под силу.

На втором этаже гостиницы я вынул из сорок девятого бокса один из прежних своих костюмов – хрустящий, почти новенький, в прозрачном пакете, – принёс его в свой номер,

вывалил на стол всё, что было рассовано по карманам и за поясом, отстегнул от рубашки радиэфон, разделся и опустил в люк обработки пыльную и пропотевшую одежду, в которой провёл больше двух суток.

В угол возле двери я опустил ранец. Завтра его предстояло пропылесосить. Из придверного шкафчика вынул смену чистого белья, положенного туда роботом-коридорным, и перенёс на прикроватную тумбочку.

Теперь оставалось залезть в ванную и потом добраться до постели.

Уснул я мгновенно. Как в пропасть провалился.

14. Сказка любви. День первый

Прекрасней этого пробуждения не было в моей жизни ничего.

Розита пришла ко мне на рассвете. И разбудила меня поцелуями. И страсть, мгновенно захлестнувшая нас в полутёмной зашторенной комнате, надолго поглотила обоих. Видно, оба мы до крайности изголодались по ласке. И как с цепи сорвались.

Один вопрос всё время вертелся у меня в голове. Но по той жадности, с какой Розита целовалась и прижималась, можно было догадаться, что вопрос окажется беспочвенным.

Всё первое любовное безумие происходило молча. Словно мы немые.

Пока не показалось, что насытились...

Было уже совсем светло, когда Розита сказала:

– Мы теперь с тобой родные. На всю жизнь! До конца! Что бы с нами потом ни случилось – мы родные!

– Ты права, – ответил я. – Как всегда.

Она снова прижалась ко мне, и стало ясно, что мы ещё не насытились...

На столе тихо зазуммерил радиодфон, отстёгнутый вечером от рубашки. Тедр мой молчал. Я его отключил. Зачем дублировать? Рука невольно метнулась к столу, но Розита на лету перехватила её.

– Ты ещё спишь, – объяснила она. – Ты сильно устал с дороги. Нечего звонить в такую рань!

Я поднял глаза. Настенные часы гостиничного номера показывали десять. Наверное, пора завтракать и собираться в обратный путь. Да ещё интервью...

– Ты, конечно, о многом хочешь меня спросить, – прошептала Розита, глядя мне в глаза. – Так же, как и я тебя... Но я спрашивать не боюсь, а ты боишься, верно?

– Верно, – тоже шёпотом согласился я.

– Правильно делаешь! – одобрила она. – Потерпи! Все твои вопросы я знаю. Сама их задам и сама отвечу. А ты ответишь на мои. Но потом! А сейчас...

И она опять прижалось ко мне.

Ничто так сильно не возбуждает мужчину, как неукротимое желание женщины. Когда-то я читал и слышал об этом. Теперь сам убедился,

Через полчаса Розита неожиданно выскользнула из-под одеяла, совершенно обнажённая, присела перед клавиатурой настольного компьютера и надавила несколько клавиш,

Я любовался её прекрасным, идеально сложенным телом, густыми чёрными волосами, которые разметались по плечам, а на дисплее компьютера подмигивала свеженькая метеосводка:

«На всей территории Западного материка южнее 55-й параллели – обложные проливные дожди, грозы, шквальные ветры. На море – шторм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.